новая ПОЛЬША

СКОНЧАЛСЯ ЧЕЛОВЕК СТОЛЕТИЯ

О жизни и наследии Ежи Гедройца пишут: Наталья Горбаневская, Виктор Кулерский, Станислав Лем, Ежи Помяновский Профессор В.Вильчинский О НАГЛОСТИ НЕВЕЖД Даниэль Ольбрыхский ПОЛЯКИ ПОМНЯТ ВЫСОЦКОГО Ежи Федорович ХУЛИГАНЫ СТАВЯТ ШЕКСПИРА Чеслав Милош ПРИДОРОЖНАЯ СОБАЧОНКА Лешек Колаковский О ВАРВАРСТВЕ

ВАРШАВА

«Новую Польшу»

ищите в магазинах:

В Москве:

«Эйдос»

(Чистый пер., 6, стр.2);

«Графоман»

(уп., Бахрушина, 28);

«Ад Маргинем»

(1-й Новокузнецкий пер., 5/7);

«Русское зарубежье»

(Нижняя Радищевская, 2);

«Летний сад»

(Б:Никитская, 46);

«Магазин истрической книги»

(Старосадский пер, 9);

«Букинист

(Остоженка, 53);

«Гилея»

(Б. Садовая, 4);

Киоск в Центральном доме литераторов

(Б.Никитская, 53);

В Санкт Петербурге

«Книжный салон» филологического факультета СПбГУ (Университетская наб., 11

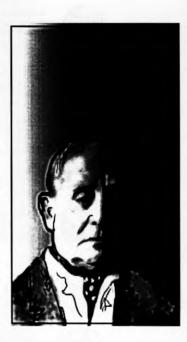
НОВАЯ ПОЛЬША

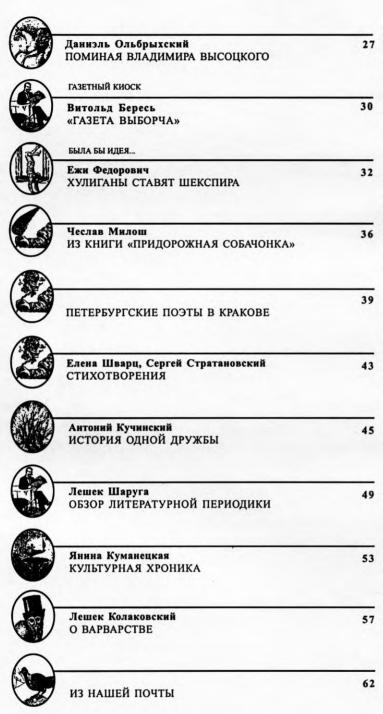
№ 10(13) 2000 октябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

1		
	Ежи Помяновский ХЛЕБ ИЗ МЕЙШАГОЛЫ	4
0	Наталья Горбаневская ЧЕЛОВЕК ВЕКА	4
0	Станислав Лем НЕПРЕКЛОННЫЙ КНЯЗЬ	5
0	Виктор Кулерский А ПО ПРОШЕСТВИИ ЛЕТ ИСЧЕЗ	7
0	Наталья Горбаневская ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА СМЕРТЬ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА	9
	Бронислав Геремек С РОССИЕЙ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ	10
	какая польша? уроки «культуры»	12
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	18
	Вацлав Вильчинский НАГЛОСТЬ НЕВЕЖД	24
	Янина Куманецкая ГАМЛЕТ ДОЛЖЕН БЫЛ СОЙТИ СО СЦЕНЫ	25
	кошалин — высоцкому	25

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, В.Кулагина-Ярцева, С.Филипчак, Е.Шиманская, М.Черненко.

Фото ©: (PAP/CAF) (стр. 10), Agencja Gazeta (H.Hunielewicz - стр. 31; S.Sierzputowski - стр. 30, archiwum - стр. 57), L.Dzikowski (стр. 27), J.Skórski (стр. 33, 34), W.Stein (стр. 3), A.Zegier (стр. 32, 35)

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Чёсек

Главный редактор Ежи Помяновский

Редколлегия

Наталья Горбаневская Никита Кузнецов Виктор Кулерский Янина Куманецкая Петр Мицнер

(зам. главного редактора) Кристина Пашек

(секретариат)

Гжегож Пшебинда Ежи Редлих

(зам. главного редактора)

Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213 00-973 Warszawa Ал. Неподлеглосци, 213 00-973 Варшава телефоны: (0-22) 608 27 95;608 25 65 факс: 608 25 05; 608 27 96 e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв. 49. Тел.: 280-83-52

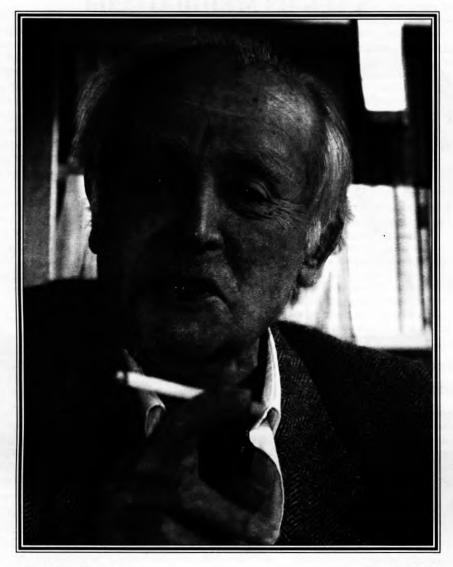
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

ВІВLІОТЕКА NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению Министерства Культуры и Национального Наследия Республики Польша

JERZY GIEDROYC ЕЖИ ГЕДРОЙЦ

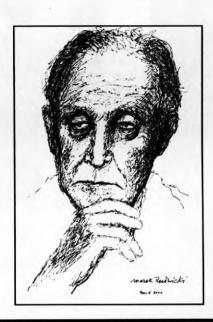
27.05.1906 МИНСК ЛИТОВСКИЙ • 14.09.2000 MAISONS-LAFFITTE

Ежи Помяновский

ХЛЕБ ИЗ МЕЙШАГОЛЫ

Рис.Марека Рудницкого (специально для «Новой Польши»)

Наталья Горбаневская ЧЕЛОВЕК ВЕКА

С Ежи Гедройцем ушла целая эпоха — всего послевоенного коммунизма и «первобытного посткоммунизма». Не окончившись календарно, ушел XX век. Оставшиеся несколько месяцев — лишь болезненный, полный неизвестности переход к XXI-му.

Не надо думать, что, объявляя Ежи Гедройца «человеком века», я поддаюсь своим польским пристрастиям. Его истинный масштаб, до сих пор понятный (и то не до конца) только полякам да, может быть, многолетним читателям «Русской мысли» и «Континента», еще откроется. Мне уже случилось услышать от одной французской журналистки: «Я и не знала, какой это человек!»

Для нас, русских, он навсегда останется тем, кто ратовал за сближение всех подкоммунистических народов, тем, кто больше всего сделал для польско-русского сближения. Не скажу — для «дружбы народов», потому что верю лишь в дружбу людей с людьми, но — для «невражды»,

Под конец века в Польше было столько траура, один за другим уходило такое множество выдающихся людей, что можно опасаться, как бы в сутолоке имен и неразличимых похвал не забылись, не затерялись как раз те исключительные черты и заслуги, которые сделали Гедройца явлением беспримерным.

Мало того, что за 54 года эмигрантской жизни во Франции он издал 636 номеров самого серьезного в истории нашей — а может, и не только нашей — печати журнала и сотни томов «Исторических тетрадей», без которых наша новейшая история была бы для грядущих исследователей минным полем. Мало того, что он напечатал по-польски свыше 500 томов «Библиотеки Культуры» — важнейших книг ХХ века, в том числе массу произведений русских и украинских диссидентов (некоторые, как Синявский и Даниэль, посылали свои рукописи прямо в руки этого поляка). Мало того, что своей одинокой жизнью, полностью посвященной бескорыстному труду, он подал чрезвычайно редкий в Польше пример. Сверх всего этого он еще показал, что прав был Честертон: истинный патриот не может быть доволен своим отечеством. Гедройц был прямой противоположностью шовиниста; если он чего-то не переносил, так это сарматского пустозвонства. Но мало кого из своих соотечественников он не пускал на порог, признавая лишь один вид искупления грехов — отрабатывать их, пока ты жив. Он был не только великодушен и щедр, но и экономен: терпеть не мог польской привычки разбрасываться талантами. Он становился на защиту талантов как раз тогда, когда их хотели очернить, растоптать, зажать им рот. Если бы не эта его монаршая совестливость и опека, у нас, наверное, не было бы ни «Порабощенного ума» Милоша, ни «Трансатлантика» Гомбровича.

Более того — он предпринял такие шаги, что после них никто не имеет права вернуться на путь, по которому Польша шла от одного достославного поражения к другому. Здесь я скажу лишь о нескольких предприятиях Гедройца — о тех, которые могут стать решающими для политического будущего Польши, ес-

ли указания редактора «Культуры» дождутся более широкого понимания и продолжения.

Гедройц и его «Культура» были теми, кто придал форму и яснее всего указал цель стихийным элементам бунта, назревавшего в обществе ПНР. Свободные дискуссии и программные статьи в журнале Гедройца предварили появление программ тайной оппозиции на родине. Не без причины режим счел этот журнал главным органом подрывной деятельности и атаковал его перьями своих лакеев. Читатели «Культуры» были теми, кто укрепил продуманными требованиями канон лозунгов стихийных рабочих мятежей. Несомненно, не кто иной, как они, содействовали возникновению именно в Польше необычайного, мифического феномена сотрудничества рабочих с интеллигенцией. Исторически это продолжалось недолго, но именно в это недолгое время и можно было подписать Гданьское соглашение в августе 1980-го и посадить за «круглый стол» правительство и оппозицию в 1989-м... Программы других центров польской оппозиции считали такой союз утопией. У Гедройца сомнений не было, ибо без утопии практики теряют из виду цель. Он повторял, что в истории больше поражений принес не недостаток прагматизма, а неумение вообразить будущее. При этом он был урожденным прагматиком и менял тактику, не отступая от своих принципов.

Гедройц заранее подготовил серьезную программу на случай перемен, которые считал неизбежными. Уверенность в этом он черпал отнюдь не из иррациональной веры, но скорее из отличного знания того, что происходило в «центре» — из страдающей параличом советской экономики и нацеленного на самоубийственную конфронтацию с Западом механизма империи.

Выводы, к которым он благодаря этой уверенности приходил и которые он неустанно внушал другим, широко способствовали тому, что в Польше сложились исключительные обстоятельства: она была единственной страной «лагеря», для которой перелом 1989 года не стал полной неожиданностью. Да, конечно, не один он к этому привел, но он зажег один из двух маяков, без которых невозможно было пристать к берегу, — вторым был еженедельник Ежи Туровича, католический «Тыгодник повшехны».

И вот впервые в польской истории не оправдался диагноз Норвида: «...А у нас?.. родятдля «добрососедства» (хоть Россия с Польшей, слава Богу, теперь и не прямые соседи — что также предвидел и пропагандировал Гедройц). Для того, чтобы в наших народах перестало царить невежество друг о друге, ибо лишь невежество порождает вражду и страх, высокомерие и комплекс неполноценности. Чтобы этих самых людей — русских и поляков, дружащих между собой, видящих друг в друге не «другого», а ближнего, прибавлялось. И это происходило и происходит благодаря Гедройцу и «Культуре», благодаря «Континенту», членом редколлегии которого был Гедройц, благодаря «Новой Польше» — его замыслу, осуществлению которого он так радовался.

Ушла целая эпоха, и ушло почти четверть века моей, осмелюсь ли сказать, дружбы с Ежи Гедройцем. Четверть века, в течение которых я столько раз спрашивала у него совета, не всегда умея разобраться в путанице польских событий и обстоятельств, и он всегда немногими словами (он и вообще был немногословен) вносил полную ясность.

Такую личную и вместе с тем «общественную» утрату, когда уходит из жизни человек, задававший всем высочайшие нравственные ориентиры, я до сих пор понесла только однажды — когда умерла Анна Ахматова.

Станислав Лем

НЕПРЕКЛОННЫЙ КНЯЗЬ

Напрашиваются самые избитые, высокопарные слова, которые мы произносили множество раз, но именно они обретают теперь для меня свое абсолютное значение. Такие банальные выражения, как «он отдал Польше всю свою жизнь». Известную поговорку: «Незаменимых людей нет», — к нему не применишь. Он — незаменим.

«Культуру» я впервые стал читать, будучи начинающим писателем, в варшавской библиотеке Союза литераторов: это было единственное место, где я мог ее проглатывать, как астматик глотает из баллона кислород. Его я никогда не видел, и только находясь во время военного положения в Вене, звонил в парижскую редакцию, обещая очередную статью. Масштаб воздействия неутомимой деятельности Гедройца еще не осознан: он так многогранен, как еле ви-

димый издали горный массив. «Исторические тетради», все изданные им в эмиграции книги, «Дневник» Гомбровича, который без него не возник бы, бесчисленные сочинения стихами и прозой, недоступные для живших в ПНР и им же спасенные от уничтожения... Его пытались сокрушить огнем и ядом, оговорами, будто его поддерживают ЦРУ и «враждебные Народной Польше центры», ему подсовывали псевдопатриотов, возвращавшихся в страну, чтобы его ошельмовать, все направленные против него меры он выдерживал с поразительной силой, спокойствием и терпением. Доставалось ему, увы, и в свободной Польше, ибо ничто в нашей стране не обладает столь прочной и убедительной силой, как глупость и ненависть.

Уже с давних пор я опасался вести о его кончине. Однако его кристально чистая духовная сила по-прежнему вселяла в меня надежду, что он еще потрудится, как трудился все былые годы. Хоть я и писатель, т.е. профессионал в области языка, мне не хватает подходящих слов, которые я мог бы произнести над его могилой. Почти никто у нас не хотел или не умел пользоваться той прямотой, с какой он говорил о польской и мировой действительности: шумом яростных политических склок его успешно старались заглушить. До последнего номера «Культура» была для меня единственным польским изданием, абсолютно свободным от предвзятости, остающимся осью координат нашей судьбы среди превосходящих нас размерами соседей, силу и слабость которых — и одновременно потребность отважного примирения с ними — Гедройц видел всегда. Я не знаю, что теперь будет: ведь он уверял, что «Культуру», дело своей жизни, унесет в могилу. Я просто знаю, что его смерть — невосполнимая потеря и что нет другого человека, который бы так, как он, все отдал Польше и такую ничтожную взял за это плаmy.

Теперь все подряд будут воздавать ему посмертные хвалы. Для меня бесспорно, что весь груз отечественных проблем он нес, в сущности, в одиночку и что благодаря этому его можно, отбрасывая всевозможные метафоры, назвать Непреклонным Князем.

ся / Книги — слишком поздно. Поступки?.. Преждевременно плодятся».

Зато оправдались предвидения, разработанные тем мозговым трестом, который собрал этот великий вдохновитель, чтобы поддержать свою главную идею: он был уверен, что распад «социалистического лагеря» неизбежен. Он всегда уделял этой линии общего процесса большее внимание, чем краху коммунистической идеологии, ибо знал, что та давно уже стала бутафорией, а кроме того, его больше всего волновала судьба народов, посаженных в лагерный карцер, не одного только польского. Остальной мир смотрел на эти предвидения как на утопию, притом опасную, портящую отношения с властителями СССР. Гедройц же просто и спокойно заранее, на всякий случай конструировал план действий, чтобы быть готовым в тот момент, когда поляки и их соседи обретут полный суверенитет.

Не кто иной как Гедройц с Мерошевским сформулировали такие принципы польской восточной политики, которые служат нам залогом прочной независимости. Одновременно они дают решение вечной дилеммы: как установить связи с суверенной Украиной, не превращая Россию в своего врага? Публицисты «Культуры» считали, что независимость народов «ближайшего Востока», живущих между Россией и Польшей, устранит причину и предмет спора между двумя нашими государствами, ибо кровавые битвы веками шли именно за господство над этими народами. Причины конфликтов исчезнут, когда мы, поляки и русские, обеспечим нашим общим соседям их нерушимость и суверенитет.

Именно в круге «Культуры» была взращена концепция стратегического союза с нашими восточными соседями — союза ценой полного отказа Польши от претензий на бывшие восточные земли, на Вильнюс, Львов, Гродно. На упрямого утописта Гедройца, пребывавшего в своем парижском пригороде, не уставали изливать ложь и клевету патентованные польские патриоты в эмиграции и на родине, но в конце концов он дождался тех времен, когда его казавшаяся самоубийственной концепция стала общепринятой и вошла в канон национального здравого рассудка. То, что у Пилсудского было несбывшейся мечтой о конфедерации, Гедройц преобразил в трезвую стратегию нормального

союза и постепенно убедил в ее верности самые проницательные умы, а за ними и всех остальных. Хотя бы поэтому ему принадлежит первое место среди польских государственных мужей.

Но не меньшего внимания заслуживает и то, что свою концепцию Гедройц никогда не предлагал в качестве орудия борьбы с Россией и русскими. Он был согласен с тем, что сама Россия не сможет развиваться без независимости наших восточных соседей. Попытки отвоевать Украину становятся в России серьезным тормозом преобразований. Нелегко взять пример с Англии, Франции, Нидерландов (а также Германии и Японии) — забыть, как они, о колониях, захватах и территориальных завоеваниях и сосредоточиться на современном интенсивном хозяйстве, которое принесло этим странам высочайшее благополучие и силу — без диктатуры и без захвата чужих земель... Сегодня ни один народ в Европе не стоит перед таким драматическим выбором, как российский: на новом пути россияне пока испытали только ухабы, а старый путь экспансии по-прежнему кажется возможным.

Гедройц знал, сколь многое зависит от этого выбора — и для самой России, и для Европы, и для Польши. Поэтому он придавал такое значение информированию граждан России о решениях, избранных поляками, о трудностях, с которыми они столкнулись, о том, что нам в конце концов удалось, а что из нашего опыта может служить предостережением. Еще важнее для него был диалог на эти темы с самими российскими гражданами. Не с верхушкой (как велось встарь), но с теми, кто больше всего жаждет знаний о мире и, в частности, о Польше. С теми, кто из подданных превратился в граждан и избирателей.

Потому-то и была создана «Новая Польша». Ежемесячный журнал выходит уже год. Он приходит в далекие уголки России, к тем, кто представляет ее умственный авангард. Первый же номер открывался обращением Ежи Гедройца, и речь там шла не о традициях славянского побратимства, не о том знаменитом плаще, под которым стояли у Медного всадника два молодых поэта, но о столетиях кровавых битв, о долгой польской неволе и о том, что, наконец-то, пришло время говорить с русскими нелицемерно, как равный с равным. Ибо только так достижимо взаимопонимание.

Гедройц уговорил автора этих строк основать и редактировать «Новую Польшу». Думаю, не может быть большего удовлетворения, чем

Виктор Кулерский

«А ПО ПРОШЕСТВИИ ЛЕТ ИСЧЕЗ...»

■ Сотни номеров журнала, сотни изданных книг, которые читались все более широко, часто прямо-таки с набожностью, и создавали силу, которую в конце концов должны были признать даже враги.

Кшиштоф Козловский, «Тыгодник Повшехны» 24 сентября ≡ В провинции у него было больше всего верных читателей. Интеллигенция малых городов будет его безутешно оплакивать.

Эва Бербериуш, там эке ≡ Он был нацелен на польскую публику — разумеется, теоретически, ибо до Польши доходило лишь малое число экземпляров «Культуры».

Чеслав Милош, там же ■ Огромны заслуги и огромно значение Ежи Гедройца для польской истории, культуры и для польского сознания после войны. Но надо отдавать себе отчет в том, что речь идет по существу о сознании очень небольших групп интеллигенции, так как никто больше «Культуру» не читал.

> Яцек Бохенский, «Газета выборча», 16-17 сентября

■ Посев мыслей пана Ежи проникал на почву элиты. В формировании государства решающую роль играют люди с образованием и опытом, а именно к ним обращалась «Культура».

Тадеуш Хшановский, «Тыгодник повшехны», 24 сентября ≡ Ежи Гедройц достиг колоссальных политических успехов, он воспитал несколько поколений позднейших политиков и политических мыслителей.

Мартин Круль, «Тыгодник повшехны», 24 сентября

● Если и прав Милош, то разве что в отношении самого мрачного периода — «сталинской ночи». Сразу после нее, уже в середине 50-х, польские старшеклассники тайно читали публикации парижской «Культуры», попадавшие в Польшу, о чем писал Якуб Карпинский в книге «Низинный альпинизм», вышедшей в издательстве «Культуры» в 1988 году. Политической «элиты», интеллигенции тогда не было. Едва выращенные за два-

дцать лет независимости после 150 лет неволи, они уже были уничтожены. Польская элита, цвет польской интеллигенции лежали в общих ямах в Катыни и Пальмирах, истреблены были в Освенциме и на Колыме. Это было истребление селективное, после которого уцелели единицы — главным образом те, кто оказался на Западе.

В 60-е годы группа юношей и девушек вместе с чешскими друзьями организовала переброску изданий парижской «Культуры» через Татры. В своих альпинистских рюкзаках они пронесли через горы свыше тысячи экземпляров изданных «Культурой» книг, не считая номеров самого журнала. Их процесс был громким и известен под названием «дела альпинистов» (о нем пишет в том же номере «ТП» Кшиштоф Бурнетко).

В формировании государства понастоящему решающую роль играют люди с образованием. Однако, чтобы они могли ее играть, им нужно по крайней мере разрешение от тех, кто образования не имеет. Тем временем не только элита, но и, как выражался Гедройц (приводится в «ГВ», 21 сентября), «старый рабочий класс исчез, пришло человеческое месиво».

На рассвете и в сумерках я видывал людей, едущих на работу или возвращающихся домой. Каждый раз, когда они были погружены в чтение книги, старательно завернутой в серую оберточную бумагу или газету, я старался проверить, верны ли мои догадки. Если мне удавалось заглянуть через плечо читателя в открытую книгу, я почти всегда опознавал характерный типографский набор и шрифт «Литературного института» [издательства «Культуры»].

Я был рядовым провинциальным учителем в неполной средней школе одного из небольших варшавских пригородов. Некоторые мои ученики читали «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Из рук в руки у них переходили эта и другие книги, изданные Гедройцем. Они воровали их из-под родительских замков. Это был читательский заговор молодежи, почти детей — им было по 12-15 лет. Я тоже получал публикации «Культуры». Часто бывало, что ненадолго — на день-два. Тогда читать приходилось ночью: другие читатели ждали в очереди. Нередко такая книга исчезала с горизонта на более долгое врето, которое испытываешь, доведя до результата замысел, порожденный таким светлым умом.

Думаю, Ежи Гедройц заслужил большего, нежели одни посмертные почести. Его концепции нужно принять как важные указания и не отступать от его стратегии. Да, «Культуры» уже не будет, но остались обязанности, на необходимость исполнения которых он указывал на ее страницах. Исполнить их без конфликтов удастся лишь с помощью наших русских друзей.

Самое место и время признаться в том, что этому человеку я обязан больше, чем кому бы то ни было за всю мою долгую жизнь, ибо несколько раз он взваливал на меня труд, придавший моей жизни смысл. Именно от Гедройца Густав Херлинг-Грудзинский привез свежему изгнаннику в дешевую флорентийскую гостиницу первые тайно переброшенные из СССР страницы Солженицына и письмо с просьбой перевести. Вначале это был роман «В круге первом», потом — «Архипелаг ГУЛАГ», а после пошли тексты Сахарова, Геллера, Шаламова... Именно Гедройц требовал от меня рецензий, полемики, статей, выговаривая за медлительность. Он же подвигнул меня собрать статьи о России и Польше в книгу «Русский месяц с гаком», написал к ней предисловие и в порядке полной неожиданности присудил мне премию «Культуры» им. Мерошевского. Но лучше всего я помню не эти награды, а последние встречи с Гедройцем за пасхальным столом нынешнего года в Мезон-Лаффите. Мы тогда преломили кусок черного хлеба из Мейшаголы, сразу ему полюбившегося: хлеб напомнил этому литовскому князю из Минска его детство (этот литовский хлеб я нашел в одной варшавской булочной). Свою половину преломленного куска я сохранил и, думаю, что только на этот уже засохший хлеб я богаче тех тысяч поляков, которых Гедройц вскармливал своей мудростью.

Наталья Горбаневская ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА СМЕРТЬ ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

1.

Стар и млад,
все спешат
не дожить до кончины века,
млад и стар,
всяк устал
темноту раздвигать как свечка,
темноту,
теплоту
распалять до температуры
щек и век,
будто век —
девочка с полотна Латура.

2.

Стол, компьютер, стул, кровать — с кем на «вы» толковать?
Скорбь на что перековать, перевыкововать?
Не на лампу шит колпак медным колоколом.
Всё не этак, всё не так, и всё в горле колом.
Перекличку, пере-крик, переправы паром на неведомый язык переплавит Харон.

мя — на недели и даже месяцы. Это значило, что ее увезли в какой-то отдаленный город, где тоже ждали очереди читателей. Позднее появились репринты независимых подпольных издательств. Некоторые из моих бывших учеников, окончив профтехучилища, работали на заводах, на железной дороге. Они тоже читали книги из Библиотеки «Культуры», ходившие по рукам среди рабочих.

Сомневаюсь, что на I съезде «Солидарности» в Гданьске в 1981 г. удалось бы при таком всеобщем одобрении принять «Послание к трудящимся Восточной Европы», если бы перед этим не было многолетнего присутствия Гедройца не только среди «элиты» и «очень небольших групп интеллигенции». Огромное большинство делегатов съезда к этим группам не принадлежало. И если это «человеческое месиво» перестало быть таковым, то не без участия Ежи Гедройца. Именно они представляли собой ту «силу, которую в конце концов должны были признать даже враги».

Сказать, что Гедройц проникал к «элите» или что он имел на нее влияние, что он «воспитал политических мыслителей», — всего этого слишком мало. Настолько, насколько это было возможно, он содействовал и созданию наново элиты, какова бы она ни была, и возрождению политического сознания социальных групп, куда более широких, чем небольшие группы интеллигенции.

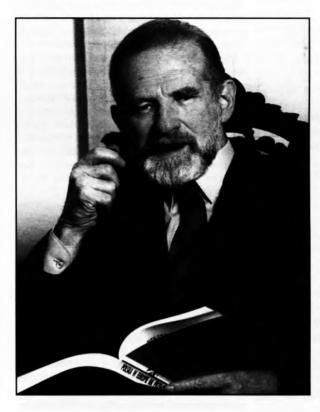
Я считаю, что, пожалуй, самую близкую к верной оценку дала Эва Бербериуш, журналистка, как, кстати, и Тереса Торанская. Торанская вдобавок сумела увидеть то, что он «любил синичек, стаями слетавшихся к нему на завтрак зимой, и белого петуха, который внезапно появился в саду, а по прошествии лет исчез» («ГВ», 16-17 сентября). В интервью Барбаре Торунчик он когда-то сказал: «Что касается поляков, то работать можно только с женщинами — не с мужчинами. Если говорить о работе изо дня в день. Я не слишком ценю поляков — и высоко ценю полек» («ГВ», 21 сентября).

Он там, в Париже, подумал о том, чтобы заплатить 15 тыс. злотых за электричество для белорусской школы в далекой Гайновке под Беловежей, потому что у школы не было денег. И «это вызвало большое волнение, потому что известно же было, что он человек неимущий», — написал Сократ Янович («ГВ», 16-18 сентября).

Он был аристократом духа, а не выдвижением.

Бронислав Геремек

С РОССИЕЙ ЗА ОДНИМ СТОЛОМ

«Я крайне далек от какой бы то ни было национальной мании величия, которая, на мой взгляд, в истории Польши принесла много вреда, но одновременно считаю, что каждая нация, каждое государство обладает своеобразным правом на величие. Польша — это большая страна, которая на политической шахматной доске должна быть довольно сильным игроком», — сказал бывший министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек в беседе с журналистами «Газеты польской» Эвой Зажицкой и Петром Вежбицким.

— Вы сказали, что США относятся к Польше как к партнеру. Справедливо ли сказать то же самое про Россию?

— У меня часто возникало впечатление, будто России чрезвычайно трудно привыкнуть к тому, что Польша — это независимая страна, независимый партнер. Это касается Польши более, чем какой-либо другой страны бывшего "социалистического лагеря". Когда я беседовал с российскими политиками перед нашим вступлением в НАТО, то всегда слышал, что именно оно и составляет самую главную проблему.

Россия — это касается как верхов, так и всего российского общества — словно бы не восприняла того факта, что Польша — независимая страна. Не думаю, что это создает угрозу для самой Польши, зато формирует неблагоприятную картину польско-российских отношений. Картину напряженности.

Я считаю, что мы сумели сделать польско-российские отношения хорошими. Вопреки пессимистам скажу, что между Польшей и Россией сложились взаимовыгодные отношения. Польско-российские отношения обусловлены не только бизнесом, который иногда разделяет, иногда объединяет, но и историей. И у обеих сторон эта история вызывает напряженность. Это надо сознавать. Поэтому в наших взаимоотношениях я бы придавал особое внимание культуре и экономике. Политика пойдет только следом за ними.

— В дискуссии Александра Смоляра с Ярославом Качинским, опубликованной в «Газете польской», Качинский сказал, что и польские верхи иногда ведут себя так, будто бы они еще не привыкли, что Польша — независимая страна. Он привел в пример визит Мильчановского (тогдашнего министра внутренних дел Польши. — Ред. «НП») и всех его заместителей в Москву после инцидента на Восточном вокзале в Варшаве. Как вы оцениваете поведение, стандарты польской верхушки, как в парламенте, так и в дипломатических службах, в этом чрезвычайно щепетильном вопросе?

— Очень положительно. Я считаю, что мы сумели сформировать независимую внешнюю политику, сумели воспитать политическое поведение, корнями уходящее в независимость Польши.

Однако сложилось и нечто тревожащее: ослабление экономических связей с Россией становится исходной точкой для определенной ностальгии по эпохе привилегированных отношений между Польшей и Россией. Надо сразу ясно сказать: привилегированные отношения между Польшей и Россией были риторическим прикрытием зависимости Польши от России. Польша нуждается в нормальных экономических отношениях с Россией.

Но не следует питать иллюзий: Россия заинтересована в Польше главным образом как в транзитной территории. Польше может угрожать то, что она войдет в систему экономической зависимости — по крайней мере, такую надежду может питать другая сторона. Важнейший экономический, политический и культурный партнер Польши — это Запад.

В парламентских дебатах по польско-российским отношениям экономическая выгода иногда становится катализатором ностальгии по тем привилегированным отношениям. Даже странно, откуда берется такая ностальгия. Но ни разу после 1989 г. я не замечал проявлений зависимости либо угодливости. Полвека спустя Польша прочно вошла в роль независимого субъекта.

— Вы говорили об отношениях с Украиной...

— Я всегда думал, что нам будет очень трудно достичь примирения с немцами и украинцами. Принимая в 1989 г. делегацию украинского национального движения, тогда еще подпольного, я был удивлен ярым антипольским настроениям представителей молодого поколения. И все это на моих глазах развеялось как дым! Польша была первой страной, которая признала независимость Украины. Мы высоко ценим Украину как нашего крупного партнера, несмотря на тучи, которые иногда появляются на горизонте.

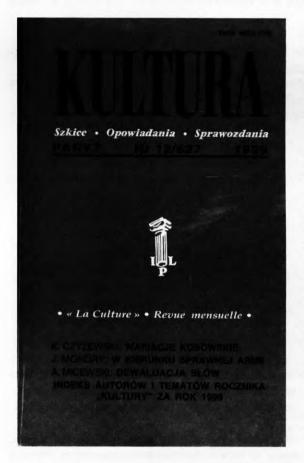
Есть нечто великое в процессе европейской интеграции — не то, что западные европейцы уже умеют точно определить и установить размеры бананов, но то, что они сумели объединиться. Этому и мы учимся, и мне кажется, что на этом пути мы достигли больших успехов. Думаю, это наш входной билет в Европейский союз. Примирение с немцами и украинцами, примирение, которое, надеюсь, будет достигнуто и с русскими, — это доказательства того, что Польша созрела для будущего мира.

GAZETA POLSKA

КАКАЯ ПОЛЬША?

Уроки «Культуры»

В связи с выходом в свет антологии «Образ Польши на страницах "Культуры"», составленной Гражиной Помян, 18 декабря 1999 г. в помещении Польского института в Париже состоялась конференция, организованная институтом и парижским научным центром Польской Академии наук.

Первая часть конференции была посвящена дискуссии на тему «Интеллигенция перед лицом прошлого и будущего». Вел дискуссию Кшиштоф Помян. Вторая часть, озаглавленная «Поляки и другие», прошла под председательством проф. Даниэля Бовуа.

Кшиштоф Помян: То, о чем я собираюсь говорить, касается прежде всего интеллигентов-гуманитариев. Вопрос заключается в том, готова ли сегодня польская интеллигенция к решению стоящих перед ней задач. Мой ответ: нет, не готова, и я попробую очень коротко это аргументировать.

По моему мнению, не готова она, в частности, из-за того, что польская гуманитарная интеллигенция — прежде всего интеллигенция глубоко литературная, и быть настоящим интеллигентом в Польше значит быть литератором. Я различаю литераторов и писателей. Когда-то я просматривал очень полезный каталог польских журналов, изданный Фондом им. Стефана Батория (участвующим и в нашем сегодняшнем мероприятии), и мне показалось, что в Польше выходят исключительно литературные журналы — за единственным исключением гданьского «Пшеглёнда политычного», который отступает от этого канона. Может быть, таких изданий больше, но не намного.

Подобный характер профессиональной подготовки и профиля польского интеллигента-гуманитария в целом приводит к тому, что эталоны его тесно связаны с прошлым, а идеал его — усадьба (даже если сам он родился не в усадьбе, а совсем в другом месте). Он все еще производит впечатление человека, не смирившегося с границами Речи Посполитой после 1920 г., не говоря уже о границах после 1945 г. Он живет в призрачном мире, где Польша сохраняет масштабы примерно до первого своего раздела, а основной его тон — ностальгия. Ностальгия по старым добрым временам, под которыми могут подразумеваться самые разные периоды. Это и вовсе уж легендарное прошлое, когда польский крестьянин и польский шляхтич жили в атмосфере общего великого чуда, и столь же легендарное, мифологизированное время реаль-

ной или иллюзорной мартирологии солидарности с малой и заглавной буквы.

Если взглянуть на польскую книжную продукцию со стороны, возникает ощущение, что центр тяжести решительно сместился с социологии, философии и истории именно на... — не хотелось бы говорить на «литературу», я бы сказал: на «литературность», чтобы избежать слова «литераторство». Исчезла светская мысль, хоть сколько-нибудь достойная того, чтобы таковой называться, а то, что происходит с польской католической мыслью, вызывает сегодня обоснованное беспокойство, в каком-то смысле меня не касающееся, а в каком-то наоборот. Не касающееся, ибо я не католик, но касающееся постольку, поскольку состояние католической мысли отражает состояние национальной культуры. То, в чем мы сегодня участвуем — и это уже мнение не мое, но людей, наблюдающих процесс изнутри, — отнюдь не является взлетом католической мысли. Очень много разговоров о духе и очень много морализаторства, но, как мне кажется, очень мало размышлений о задачах цивилизации, в то время как главная задача, стоящая перед Польшей, — достичь уровня Западной Европы и стран Европейского союза, в который мы собираемся вступать.

То, что мне приходится читать, не убеждает меня в том, что эта задача, которая воистину является одной из главных задач польской политической верхушки, а именно подготовка Польши к вступлению в Европейский союз, действительно стала задачей польской интеллигенции.

И, наконец, последнее. В целом польская интеллигенция выполняет сегодня апологетические функции. Прежде всего она не самокритична — но этого уж от нее ждать не приходится. Она умиленно говорит о своем прошлом, растроганно рассуждает о собственном геройстве (всякий раз можно добавить: реальном или иллюзорном), восхищается собственной духовной красотой. Единственное же, чем она не занимается, — это та критическая функция, которая, если говорить в этом ракурсе об уроках «Культуры», как раз и была основным заветом «Культуры». Я бы сказал, что в

определенном смысле сегодняшняя польская интеллигенция, если это выразить одной фразой, точный антипортрет, антитип той идеальной модели интеллигента, которую являли нам страницы «Культуры».

Александр Смоляр: Прошедшие десять лет великий триумф польской интеллигенции. Я знаю, что этот тезис может показаться противоречивым, но вспомним 1989 год. Кто пришел тогда к власти? Кто сформировал первое правительство? Кто организовал парламентскую Гражданскую фракцию? Кто с нуля создал самую мощную польскую газету, влияющую на формирование мировоззрения и косвенно на политику не меньше иной политической партии? Тадеуш Мазовецкий, Бронислав Геремек, Яцек Куронь, Лешек Бальцерович, Адам Михник, Ян Ольшевский, Веслав Хшановский, такие министры, как Кшиштоф Козловский или Хенрик Самсонович, такие фигуры, как Анджей Вайда или Ежи Клочовский, это лишь некоторые, хотя далеко не первые попавшиеся представители целого спектра интеллигентских биографий, взглядов и позиций, коренным образом повлиявших на образ первого десятилетия свободы. Мог ли кто-нибудь, наблюдая за сложной, часто трагической судьбой интеллигенции на протяжении предшествовавшего пятидесятилетия, принимая участие в многочисленных послевоенных дискуссиях о смерти этой формации, ожидать, что она сыграет столь небывалую роль?

Успешное возрождение публичной роли интеллигенции произошло в 70-е годы. Возникновение демократической оппозиции означало окончательный разрыв пуповины, соединявшей наиболее динамичные, обладавшие общественным значением круги интеллигенции с «народной властью». Слишком много уже написано на тему этого разрыва, чтобы возвращаться к нему в моем коротком выступлении, посвященном другой проблеме, другим временам. Появление демократической оппозиции означало, что интеллигенция вновь берет на себя свою роль вождя и эталона общества. Общественная деятельность, даже са-

ми названия (как, например, «Летучий университет») ассоциировались с опытом разделов Польши. Недвусмысленный язык правды и этики ясно определял отношение этих кругов к власти «на чужих штыках».

Интеллигенции трудно смириться с демократической политикой, основанной на том, что никто — ни одна сила, ни одна формация, ни одна партия — не представляет в полной мере интересов общества, ибо общественные чаяния и труды находят отражение во всем сложном демократическом процессе. Трудное усвоение этого принципа выражалось в стремлении интеллигенции создавать аполитичные формации, призванные стать выразителями интересов всего общества. В Польше существовало сильное искушение укрепить структуры гражданских комитетов и не допустить формирования политических партий. В Чехии имело место стремление сохранить «Гражданский форум». Впрочем, Вацлав Гавел до сегодняшнего дня не изменил своего амбивалентного отношения к политическим партиям и очень часто их критикует. В большей или меньшей степени подобные тенденции наблюдались и в других странах региона. Конечно, существовали рациональные аргументы против преждевременного раскола демократического лагеря, который вырос из движения сопротивления коммунизму. Можно из лучших побуждений доказывать, что сохранение единства в период сложных преобразований позволило бы быстрее и успешнее провести необходимые экономические, общественные и политические реформы, на более длительный срок блокировать возвращение к власти бывших коммунистических партий. Однако, вне всяких сомнений, неприязненное отношение к введению политического плюрализма в институциональные рамки тоже было следствием отказа от демократического принципа неполноты знания и «истины», которая дается каждой политической формации; следствием уверенности, что интеллигентские партии по природе своей занимают, с точки зрения гносеологии и этики, привилегированное место, оправдывающее их ведущую роль.

Несмотря на огромные успехи реформ после 1989 г., польский интеллигент сегодня зачастую смотрит на прошедшее десятилетие с горечью. Причины следует искать в тройной маргинализации, жертвой которой стала интеллигенция. Вопервых, снизился ее статус: в иерархии общественного признания, уважения, авторитета интеллигенцию стали опережать другие группы. Этому падению способствовали конкуренция со стороны других верхов общества, бегство многих активных личностей в бизнес и политику, уход способной, только начинающей свою карьеру молодежи, стремящейся сегодня реализовать свои мечты вне традиционных интеллигентских занятий. Вовторых, деградировало материальное положение интеллигента. Это не всегда означает уменьшение индивидуальных доходов. У некоторых групп интеллигенции возможности заработка многократно увеличились вследствие распространения частных школ и расширения государственных вузов, роста потребностей учреждений и частного сектора в различных экспертизах и консультациях. Но далеко не у всех. Более того, зарабатывать приходилось и приходится, платя за это интеллектуальным ростом, качеством выполняемой работы, здоровьем. Одним словом, рост материального благополучия отдельных интеллигентов совершается за счет общественной роли польской интеллигенции как группы в целом. В третьих, уменьшилось публичное значение интеллигенции. Ее присутствие в общественной жизни мало ощутимо в ее традиционной аналитической, критической, мифотворческой функции, функции общественного пространства, где вырабатываются коллективные проекты, нормы, представления о лучшей Польше. Слабеют интеллигентские партии, биографии которых были связаны с антитоталитарным сопротивлением. Возник новый политический класс, состоящий из тысяч амбициозных, зачастую случайных людей, которые после 1989 г. бросились на площадь ради карьеры, в поисках «великого клада», смысла жизни или служения обществу. Шок, вызванный тем, что homo novus вытеснил интеллигенцию, столь много сделавшую в период борьбы демократической оппозиции, возбудил на Восто-

ке и на Западе слезы над «революцией, пожирающей собственных детей». Им сопутствовали апокалиптические прогнозы угрожающего постсоветской Европе национализма, фундаментализма, правого якобинства. Однако не революция, а новая демократия привела к вымыванию интеллигенции из политики, к устранению из публичной жизни многих крупных деятелей прошлого, не сумевших или не пожелавших найти свое место в новых условиях свободы и конкуренции. Интеллигенция часто проигрывала в политике из-за того, что своими традициями, иерархией ценностей, специфическим типом культуры она оказывалась лучше подготовлена к сопротивлению диктатуре, к провозглашению абсолютных истин, к заявлениям: «Non possumus», — нежели к выбору меньшего зла, этически сомнительным союзам, ограниченным, иллюзорным успехам.

Чеслав Милош: Сегодня польской интеллигенции предстоит оценить прошлое прежде всего в его литературной форме. В чем, к примеру, заключалась суть полонистики на протяжении всего XIX и большей части XX века? Если взять в качестве примера профессора Игнация Хшановского и его учебников, то польская литература служила патриотизму. Возможно, это не совсем то же, что служение национализму, но близко к тому. Служение мессианизму, конечно. Я, во всяком случае, обращаюсь к своему литовскому, виленскому опыту — у меня были такие учительницы, мелкие дворянки из провинции, специализировавшиеся в польской литературе, т.е. обучавшие Мицкевичу, Словацкому, польскому патриотизму. Это огромный вопрос: каким образом воспринимать все это наследие, чтобы оно не приводило исключительно к идеологическому воспитанию патриотизма старого типа? Это настолько против течения XXI века! Ведь мы же не скажем, что хорватский, боснийский или сербский патриотизм — наш идеал будущего. Следовательно, нужна какая-то новая оценка, новое приближение к этой литературе. Nota bene, очень интересное явление, которое, с моей точки зрения, тоже относится к истории современной интеллигенции, — университетская полонистика, на 90% женская. Можно сказать, что подобно тому, как вышеупомянутые учительницы были в XIX веке глашатаями патриотизма, сегодня совершается некая колоссальная феминизация культуры польской интеллигенции. Потому что роль школьной полонистики несомненно огромна, я убедился в этом на собственной шкуре. Правда, я боролся с ней, за что и получал плохие отметки с припиской «телеграфный стиль».

Поскольку тема нашего круглого стола — «Интеллигенция перед лицом прошлого и будущего», я обращаю ваше внимание на эту проблему борьбы интеллигенции с прошлым. Восприятие некоторых писателей играет сегодня огромную, ключевую роль. Не знаю, многое ли воспримут дети, которых ведут смотреть «Пана Тадеуша». Или, например, восприятие таких писателей, как Гомбрович. Очень интересно, что видят в Гомбровиче: видят ли одну только иронию, считают ли его весельчаком, который показал язык всем патриотическим ценностям, или же читатель проникает глубже?

Я касаюсь этих вопросов лишь слегка. В последнее время я редактировал новое издание своей книги о Станиславе Бжозовском. Сегодня необыкновенно важно осмыслить всю философию Бжозовского.

Мне хотелось бы добавить к сказанному еще кое-что. Само слово «интеллигенция» появилось в середине XIX века на территории Германии, Польши и России. А теперь я спрашиваю: что произошло в России вследствие революции? Насколько отличается сегодняшнее положение польской интеллигенции от положения интеллигенции русской, если она там вообще выжила? Несмотря на то, что масса людей получает в России образование, задачи, которые ставила перед собой русская интеллигенция в XIX веке, оказались полностью забыты. Быть может, то, что произошло в Польше в 70-80-е годы, есть повторение роли интеллигенции в XIX веке. Сегодня, захоти мы обратиться, например, к русской интеллигенции, мало с кем можно вести разговор, так как эту интеллигенцию, можно сказать, поглотил государственный институционализм. Этот вопрос я оставляю без ответа.

Богдан Осадчук: Когда «внутренняя империя», т.е. бывший довоенный СССР, увеличилась после II Мировой войны за счет «империи внешней», т.е. стран-сателлитов, изменилась система международных отношений. Возникли новые правила игры, место прежнего равнодушия и отмежевания от Востока заняли трансформирующиеся элементы сотрудничества и конкуренции.

Украина выиграла на этом лишь частично в том, что касалось реализации стремлений к территориальному объединению своих этнических земель, получения псевдосуверенного статуса в форме членства в ООН. Но духовные различия следствие разных судеб в межвоенный период сохранились в виде двух отличных типов умонастроения и скрытых или явных установок. Вследствие совершившихся перемен в международных отношениях и растущей конкуренции между создающейся евро-атлантической коалицией и сталинско-советской формацией, интеллигенция стала как инструментом, так и участницей игры, особенно начиная с необъявленной, но разгоревшейся «холодной войны», впервые в истории не признавшей границ и цензурных запретов благодаря развитию техники связи.

Для Украины Польша в этой области сыграла необычайно важную роль. Она была и остается школой интеллектуального сопротивления, свободы мысли, мировоззренческого плюрализма. Неслучайно молодые, да и пожилые украинцы в период «Солидарности» начали стихийно учить польский. Впрочем, благодаря этому духу свободы украинцы стали забывать прежние негативные стереотипы «ляха» и «белополяка».

Проф. Мариан Харасимюк: Что предстоит сегодня сделать интеллигенции в Польше? Перед ней стоят огромные задачи. В результате разного рода политических и экономических водоворотов мы оказались свидетелями страшной дезориентации общества относительно иерархии ценностей общественной жизни. И здесь я вижу огромное поле деятельности для интеллигенции. Интеллигенция должна указать обществу, что представляет сегодня ценность и в каком направлении нам следует

двигаться. Эту руководящую роль, с моей точки зрения, должны взять на себя университеты как центры формирования культуры, как место работы значительной части интеллигенции. Думаю, что в ближайшие годы мы можем ожидать появления таких тенденций — смещения центров формирования культуры в университеты, так как на протяжении последнего десятилетия университетам всетаки удалось сохранить некоторый авторитет, в то время как почти все другие авторитеты оказались разрушены, — а ведь сегодня мы так нуждаемся в них. Университеты аполитичны, в последние годы они пережили весьма отчетливую эволюцию к аполитичности - и в этом можно усмотреть определенную их легитимизацию. Они существуют вне власти, которую, будь она левой или правой, оценивают очень по-разному, но, как правило, негативно. Общество же нуждается в чем-то позитивном: оно не может функционировать на основе одного лишь отрицания. Думаю, что университеты должны, готовы и могут выполнять именно такую функцию формирования культуры, выработки определенных направлений мысли и определенных направлений деятельности для всего общества.

Проф. Божена Пухальская: Мне бы хотелось сказать о том, как я понимаю термин «интеллигенция». Потому что речь все время идет о гуманитарной интеллигенции, т.е. писателях, художниках, композиторах. Мне кажется, что это глубокое недоразумение. Я сама физик, работаю в среде физиков, биологов, математиков. И это люди абсолютно творческие! То, что писатели или художники не разбираются в математике, не означает, что математики не играют необычайно важной роли в жизни нашего народа. Быть может и хорошо, что в будущем слово «интеллигенция» исчезнет, но, пока оно существует, хотелось бы обратить внимание, что такие люди, как Грошковский или другие крупные физики и математики, тоже играют чрезвычайно важную роль в польской интеллектуальной жизни.

Анджей Наков: Мне бы хотелось обратить ваше внимание на то, что польская культура, пе-

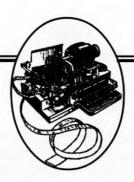
режившая эту систему и вторжение коммунистической идеологии, выжила благодаря эмиграции, благодаря парижской «Культуре», чего лишена была Россия. В России было уничтожено несколько поколений. Русская эмиграция на Западе, когда после I Мировой войны она стала таковой, уже находилась в состоянии конфликта с новым российским поколением, которое является предметом моих исследований, - поколением так называемого интеллектуального, художественного, музыкального авангарда. Когда это поколение 10-х годов выступило со своей темой, оно уже противостояло предыдущему. А это предыдущее поколение эмигрировало. Таким образом, культура, которая должна была развиваться дальше, подверглась нападению двух врагов. Я всегда говорил своим западным друзьям, что коммунистический строй падет в Польше, Чехии, Венгрии в тот момент, когда из этих стран уйдет советская армия.

Мне кажется, что проблема поколений и преемственности исключительно важна. Хотелось бы подчеркнуть, что польская культура, культура XX века, и русская культура, которая, надеюсь, не умрет, очень многим обязаны Ежи Гедройцу. Почему? Потому что его представление о европейской культуре было открыто по отношению к России, он не был настроен националистически, у него отсутствовала какая бы то ни было фобия по отношению к славянской или русской культуре. Это, собственно, единственная позиция, приемлемая сегодня для мира и Европы.

Альгис Каледа: Я хочу вспомнить и подчеркнуть огромную роль «Культуры» и ее круга. Я бы определил ее роль, ее миссию как профилактическую. Вся политика «Культуры» развивалась с опережением как минимум на двадцать лет. Я цитирую слова Ежи Гедройца, сказанные в 1975 году: «Важнейшей задачей мне представляется нормализация не только польско-российских и польско-украинских отношений, но и взаимоотношений этих народов между собой... нормализация отношений между этими народами». Это — взгляд из Парижа, из Мезон-Лаффита. Это влияние «Культуры», идей ее круга мы действительно в очень большой степени наблюдаем в среде интеллектуальной элиты Литвы. Леопольд Унгер вспоминал о встрече с Ландсбергисом. Ландсбергис много лет читал «Культуру», и эти идеи были ему очень близки. Можно добавить множество имен литовских мыслителей, политиков, деятелей, которые в те давние времена разными путями получали доступ к «Культуре» — например, через литовскую эмиграцию. Круги литовской и польской эмиграции в США очень близки и тесно сотрудничают. Литовская группировка «Свет понимания», как мне кажется, — явление аналогичное парижской «Культуре». Идеи международной солидарности, международной политики, проводившиеся «Культурой», формируют сегодняшнюю национальную ситуацию в Литве и меняют всю систему взглядов и образ мыслей. Произошел переход от антагонистического восприятия «свой-чужой» к восприятию «свой-другой». Это уже не «чужой», но «другой». Другой человек, который ценен как таковой именно потому, что он другой.

То же касается культуры. Культура, особенно культура порубежья — я имею в виду и Гданьск, и Вроцлав, и Вильнюс, и Львов, и многие города Франции или Германии, — носит характер палимпсеста, это наложение разных слоев. И только варвары или люди неинтеллигентные не понимают этого и стремятся разрушить эту естественную историческую систему.

ZESZYTY HISTORYCZNE

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Феномен популярности президента (...) Люди хотят ощущать себя не хуже других. С другой стороны, они не желают, чтобы ими привили неотесанные мужики. Александр Квасневский удовлетворяет обоим этим желаниям. Он представительно выглядит на Западе, неплохо говорит по-английски и культурно выражает свои мысли. Таким образом, поляком не приходится стыдиться за своего президента. Но он и не порождает у людей комплексов — он такой же, как его избиратели. (...) Он даже не более образован. Среднее образование, по всей видимости, удовлетворяет большинство граждан. (...) Президент отлицетворяет все черты нации, в том числе и слабости: пристрастие к спиртному, чрезмерную склонность к обильным трапезам, отклонения от истины». («Жечпосполита», 28 сентября)

В ходе предвыборной кампании польской общественности была представлена видеозапись, показыающая, как в 1997 г. в г. Калиш министр Марек

Сивец (возглавлявший Бюро национальной безопасности — Ped.), поощряемый президентом Александром Квасневским, пародирует Папу римского Иоанна Павла II. Министр Сивец подал в отставку. По мнению архиепископа Юзефа Житинского в отставку должен был подать и сам президент. («Жечпосполита», 28 сентября)

«Я знаю, что некоторые епископы высказывают пожелание, чтобы я не столько отказался от поста президента или даже от попыток занять его второй раз, сколько вообще растворился во вселенной. Тем не менее, я не собираюсь воспользоваться такого рода советами», — сказал президент Александр Квасневский. («Жечпосполита», 26 сентября)

→ «Мы всегда должны остерегаться ненависти и недоброжелательности. Особенно по отношению к людям, придерживающимся иных политических, общественных или религиозных взглядов. Они — тоже дети Единого Отца, а каждому человеку дана привилегия свободной воли», — написал в своем пастырском послании архиепископ Юзеф Михалик. («Газета выборча», 7-8 октября)

В телеграмме с выражениями соболезнования президенту Владимиру Путину по случаю трагедии «Курска» президент Александр Квасневский, в частности, написал: «Трагические моменты — такие, как этот, — сильнейшим образом напоминают не только о продолжающих угрожать человеку стихиях, но и о неизменной потребности в обычной человеческой, а также меж-

дународной солидарности». («Жечпосполита», 22 августа)

- ☐ Письмо с соболезнованиями родным и близким жертв крушения «Курска», опубликованное в «Газете выборчей» от 23 августа, подписали, в частности, Чеслав Милош, Вислава Шимборская, Марек Эдельман, архиеп. Юзеф Житинский, Кшиштоф Пендерецкий, Анджей Вайда, Янина Охойская, Яцек Куронь, Густав Холоубек, Даниэль Ольбрыхский и редакция «Газеты выборчей».
- № 2 сентября в Медном Тверской области было открыто третье, самое большое кладбище жертв катынского преступления. На нем погребены 6300 офицеров полиции, жандармерии, погранохраны, тюремной охраны, судейских и государственных чиновников, священников, военных колонистов, помещиков и предпринимателей. Польскую делегацию на открытии возглавляли премьер-министр Ежи Бузек и маршал Сейма Мацей Плажинский, российскую министр внутренних дел Владимир Рушайло и министр культуры Михаил Швыдкой. Главные польские газеты «Жечпосполита» и «Газета выборча» с очевидным одобрением и признательностью описали душевный поступок Георгия Дигенко из Твери, о котором говорилось в последнем номере «Новой Польши».
- Премьер-министры Польши и Украины Ежи Бузек и Виктор Ющенко совместно открыли памятник украинцам, скончавшимся в 1918-1921 гг. в лагере военнопленных и интернированных в Кракове. («Жечпосполита», 2-3 сентября)
- На гданьском гарнизонном кладбище открыт участок, предназначенный для погребения останков немецких военнослужащих, погибших во время ІІ Мировой войны. («Газета выборча», 22 августа)
- В августе Польша отмечала три годовщины: 1 августа начало Варшавского восстания 1944 г.; 15 августа отступление большевиков из-под Варшавы в 1920 г.; 31 августа подписание Гданьского соглашения и создание «Солидарности». «В августе двухтысячного года, пишет проф. Лех Фаландыш, хотелось бы воздать особые почести отечеству, но душа не лежит. По случаю славной годовщины кое-кто ведет свою игру, комбинирует, хитрит. И изрекает красивые фразы о ценностях, истории и традициях, делая их лишь картами в мошенническом политическом покере. (...) Поляков объединяют лишь всеобщая опасность, гнет и неволя. Тогда они показывают, что могут быть великими. На воле мы мелки, завистливы и злобны». («Впрост», 20 августа)
- «Лех Валенса повернул рукоятку ручной сигнализации, и в небо взлетели 7380 воздушных шаров с эмблемой «Солидарности», символизирующих число

- дней, прошедших после событий, которые разыгрались 20 лет назад на Гданьской судоверфи. (...) Кроме нескольких отдельных групп, кораблестроителей не было. (...) Они не пришли, потому что их не пригласили». («Жечпосполита», 30 августа)
- Число кандидатов, намеренных баллотироваться на пост президента, достигло 20-ти. («Жечпосполита», 14-15 августа)
- □ Первым кандидатом на пост президента Госизбирком зарегистрировал Анджея Леппера, находящегося по решению суда в розыске. Леппер заявил, что если суд не отменит своего постановления, он перейдет белорусскую границу и попросит политического убежища у Лукашенко. На следующий день Леппер был арестован, но через несколько дней освобожден.
- ☼ По словам ген. Тадеуша Вилецкого, кандидата на пост президента, «министры Гитлера были хорошими и умелыми хозяйственниками и администраторами». Госизбирком не счел этого высказывания правовой помехой для регистрации кандидата. («Газета выборча», 25 августа)
- Госизбирком закончил регистрацию кандидатов. Требуемые сто тысяч подписей сумели собрать 13 из них. Рекорд побил комитет Александра Квасневского, собравший подписи 1,769 млн. граждан. («Тыгодник повшехны», 3 сентября)
- Согласно опросам ЦИОМа, наибольшим общественным доверием пользуется президент Александр Квасневский. Места вслед за ним занимают Яцек Куронь, Ханна Гронкевич-Вальц (президент Польского национального банка) и два бывших министра иностранных дел Бронислав Геремек и Анджей Олеховский. («Впрост», 3 сентября)
- ⊕ В ответ на призыв «Католического действия» не голосовать за неверующих епископ Тадеуш Перонек сказал: «Политика входит в число автономных сфер, имеющих свои собственные правила. (...) Дискриминировать кандидата в президенты только потому, что он не католик, это не в духе Церкви». («Впрост, 3 сентября)
- Апелляционный суд признал, что ни президент Александр Квасневский, ни бывший президент Лех Валенса

(оба — кандидаты на осенних президентских выборах) не солгали в люстрационных заявлениях, утверждая, что они не были сознательными секретными сотрудниками госбезопасности.

- Выйдя из Апелляционного суда, Лех Валенса сказал с горькой усмешкой: «Квасневский откровенно сотрудничал с коммунистической системой, а я с ней боролся. Оба мы оправданы». («Жечпосполита», 21 августа)
- Председатель V (люстрационной) палаты Апелляционного суда Збигнев Пушкарский: «Я понимаю, что люстрация Леха Валенсы, человека-символа, может вызывать у многих неприятные чувства. Однако, если согласно закону введены такие процедуры, их нужно применять к каждому, в том числе и к человеку-символу» («Впрост», 20 августа)
- В «люстрационной лжи» обвинен... судья Люстрационного суда Мечислав Барея. («Тыгодник повшехны», 3 сентября)
- → Недавно в России семье Бориса Ельцина были гарантированы особое положение и фактическое освобождение от всякой ответственности. По этому поводу Анджей Граевский, председатель коллегии Института национальной памяти, сказал: «...мы должны ответить себе на вопрос, к какому кругу цивилизации кы хотим принадлежать: к западной цивилизации со всеми ее особенностями, включая и те, что нам не нравятся, или к византийским традициям, ставящим касту, получившую помазание властью, превыше закона. (...) Те, кто хочет прервать процесс люстрации Квасневского или Валенсы, де-факто призывают к возвращению Польши в круг византийской цивилизации». («Впрост», 13 августа)
- 30% поляков не пользуются дезодорантами, 93% в жаркий день не принимают душ, каждый третий чистит зубы не чаще раза в неделю (некоторые вообще никогда). Каждый пятый опрошенный считает, что бактерии не вызывают заболеваний. («Впрост», 13 августа)
- По мнению Збигнева Бжезинского, в Польше «тревожит отсутствие серьезных и хорошо работающих политических верхов, ширящаяся коррупция и исчезновение чувства ответственности за государство того, что я назвал бы ответственным патриотизмом и что сейчас уступает место придурковатому шовинизму». («Жечпосполита», 17 августа)
- Кшиштоф Лозинский: «Программа всеобщей приватизации недвижимости, прошедшая голосами

«Избирательного действия Солидарность» и Польской крестьянской партии, обнаружила наличие опасной коалиции — коалиции безответственности с алчностью. Обе группировки готовы выиграть избирательную баталию на развалинах государства. Обе знают, как низко они котируются, и потому решили раздать национальное достояние. При этом был нарушен элементарный принцип правового государства — нерушимость собственности. Правящая группировка решила раздать даром не только квартиры, принадлежащие государству, но и те, владельцами которых являются частные предприятия и жилищные кооперативы. Прямо как рвущиеся к власти большевики». («Газета выборча», 10 августа)

- Правительство и министерство труда намерены предназначить 6 млн. злотых на помощь бездомным. Дотации можно будет получить на обеспечение бездомным жилища, питания и других форм помощи. Однако для их получения надо будет представлять программы выхода из бездомности. («Жечпосполита», 9 августа)
- Проф. Петр Глинский из Института философии и социологии ПАН: «Преобразования в Польше имели перед собой три цели: создание демократических институтов, рынка и гражданского общества. Две первые в некоторой степени достигнуты, третья в самой малой, вдобавок при ничтожном участии политической верхушки (...) желая провести в жизнь принцип самоорганизации, нужно поделиться властью (...) а это уже требует довольно высокой политической зрелости (...) я поставил бы в упрек нашим политическим верхам за малыми исключениями и невежество, и предательство (...) они забыли, что политика это прежде всего работа ради общего блага». («Жечпосполита», 22 августа)
- Женрика Бохняж, президент Польской конфедерации частных предпринимателей и зам. председателя Польского совета бизнеса: «Частные фирмы производят 75% валового национального дохода, обеспечивают 70% общей занятости, их доля в экспорте составляет 79%. Это господствующее положение в экономике не сопровождается ни соответствующим влиянием в области полити-

ки, ни местом в социальной иерархии. Среди предпринимателей появилась даже спорная идея создать свою партию, чтобы выражать интересы этой группы в политике». («Жечпосполита», 25 августа)

«Человек, получающий в России доход в размере 10 тыс. долл. в месяц, заплатит в будущем году 1300 долл. налога. В Польше — в три раза больше, 4 тысячи. (...) В России введен единый подоходный налог в размере 13%, независимо от размеров дохода фирмы или частного лица, и остается лишь подождать, пока богатые предприятия вернутся в налоговую сферу». («Впрост», 13 августа)

 Проф. Вацлав Вильчинский: «...наши парламентарии, как левые, так и правые, возлюбили налоговый социализм и... свои, не облагаемые налогами, доходы». («Впрост», 13 августа)

По данным Главного статистического управления, самая высокая за последние четыре года безработица была отмечена в июле. Она составила 13,7% — 2,44 млн. человек. («Впрост», 3 сентября)

⊘ Около полумиллиона бывших работников ликвидированных госхозов, ныне безработных, — это в каком-то смысле сельская разновидность homo sovieticus¹а, люди, неспособные (часто не по своей вине) жить в условиях свободного рынка, так же, как миллионы колхозников в бывших странах СССР. («Впрост», 20 августа)

Число иностранцев, работающих в Польше нелегально, приблизительно оценивается как миллион. Среди них есть пришельцы как с Востока, так и с Запада. («Жечпосполита», 21 августа)

⊗ «В Варшаве живут и руководят обширными делами преступного синдиката резиденты самой крупной и самой опасной в мире преступной организации — русской мафии из подмосковного Солнцева». («Впрост», 27 августа)

За последние годы прирост нашего потребления повысился больше чем на 30% и стал самым высоким среди стран — членов ОБСЕ. («Впрост», 3 сентября)

Полиция в Гольдапе (Варминско-Мазурское воеводство) разыскивает владельца пакета, оставленного клиентом в ресторане и принесенного официантом в полицию. В пакете обнаружилось свыше 10 тыс. долларов. («Жечпосполита», 24 августа)

Более 17 млн. туристов посетили Польшу в 1999 г.,
 в т.ч. немцев — 36%, русских, белорусов и украинцев
 — 35%, граждан других соседних государств — 11,5%,
 граждан остальных государств — 17%. («Газета выборча», 23 августа)

Свыше 50 тыс. паломников автокефальной Православной Церкви праздновали на священной горе Гарбарке (Подлясье) 2000-летие христианства. Прибыли также паломники из Белоруссии, с Украины и монахи с Афона, которые привезли в дар копию чудотворной иконы Иверской Божией Матери. («Жечпосполита», 21 августа)

После семилетнего перерыва возобновился диалог между римско-католической и православными Церквями. Митрополит Стилиан, открывая пленарное заседание, сказал: «Мы очень больны — больше чем нам кажется». («Тыгодник повшехны», 13 августа)

В Сокулке (Подлясское воеводство) создана Международная федерация татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. («Газета выборча», 28 августа)

В своем послании польские епископы написали: «Наряду с благородным спасением поляками многих еврейских жизней, существуют и грехи, тянущиеся за нами со времен Катастрофы — равнодушие и враждебность к евреям. Надо сделать все, чтобы создать и углубить христианскую солидарность с народом Из-

- раиля. (...) Надо также преодолеть все проявления антиеврейства, антииудаизма (т.е. вражды, выросшей из ложно понятого учения Церкви) и антисемитизма (т.е. ненависти, порожденной национальными и расовыми мотивами). (...) Как и антихристианство, антисемитизм грех, и как таковой он отвергнут учением католической Церкви вместе со всеми иными формами расизма». («Газета выборча», 26-27 августа)
- ⊗ «В контексте послания епископов по меньшей мере удивительно решение старосты Освенцима, позволившего открыть дискотеку в здании бывшего кожевенного завода, где во время немецкой оккупации заключенные сортировали волосы жертв массового уничтожения (...) Освенцим наряду с Иерусалимом и Римом один из городов, где нет чисто местных вопросов. Все, что в нем происходит, приобретает глобальное звучание». («Впрост», 3 сентября)
- Алекс Данциг, историк: «Поляки не осознают, какой вред может принести одна свастика, одно [написанное на стене] «Jude raus». Дело не в том, что автор этих надписей принадлежит к социальному дну и вообще не понимает, что пишет, — непонятно, почему никто этих надписей не закрашивает, как будто люди не осознают, какой вред они приносят Польше». («Жечпосполита», 18 августа)
- Следствие по делу об убийстве 1600 евреев в дер. Едвабно под Ломжей начинает следственный отдел Института национальной памяти. Следствие, в частности, должно установить, действительно ли массовое убийство было совершено руками жителей деревни. Если виновные еще живы, им грозит пожизненное заключение. Преступление было совершено в июле 1941 года. («Газета выборча», 1 сентября)
- Житель Гданьска, несправедливо отсидевший в предварительном заключении 14 месяцев, получит компенсацию в размере 35 тыс. зл. («Жечпосполита», 4 августа)
- Полиция ликвидировала последнее звено т.н. старой мафии. Члены банды платили жалованье политикам, судьям, прокурорам и полицейским, финансировали выборы (как местные, так и в Сейм), использовали целый штаб юрисконсультов и экономических советников, включая нескольких профессоров вузов. («Впрост», 3 сентября)

- Раз в два дня в Польше происходят похищения людей, но полиция узнаёт лишь о четверти из них. Подавляющее большинство похищений происходит на почве финансовых расчетов. 99% похищений с требованием выкупа были организованы лицами из ближайшего окружения жертв: финансовыми советниками, деловыми партнерами, сотрудниками фирм, соседями и даже членами семей, утверждает сыщик Кшиштоф Рутковский. («Впрост», 20 августа)

- Грабители устраивают засады на незастроенных перекрестках. Бандит всегда подходит к автомобилю сзади и разбивает отверткой или свечой заднее стекло. В какие-то доли секунды он хватает сумку и убегает. Грабители всегда выбивают стекло, даже если дверца открыта, так как при этом они не теряют времени, а жертва сильнее ошеломлена. Ограбления случаются даже в автомобилях, стоящих в пробке на центральной полосе. Водители других машин почти никогда не реагируют. («Газета выборча», 3 августа)
- «Существование рэкета, т.е. альтернативных налогов, это доказательство существования двоевластия официального и подпольного государств. В Польше можно не платить налогов или без всяких последствий платить меньше положенного, но нельзя безнаказанно прекратить уплату дани преступникам или самовольно уменьшить ее сумму. Купцы одного из самых больших в Польше приграничных рынков (в Осинуве) со-

лидарно выступили против бандитов, вооружившись дубинками и палками. Их организовал и обучил управляющий рынком, бывший армейский полковник. Но большинство предпринимателей платят, ибо упрямых бандиты калечат и пытают, нападают на их семьи, а полиция редко способна доказать их преступные деяния, если она вообще узнает о них». («Впрост», 27 августа)

Примас Польши Юзеф Глемп, обращаясь к 250 тыс. паломников, собравшихся на Ясной Горе в Ченстохове, сказал, что социализм изуродовал наше отношение к собственности, труду, ближнему, а либеральная система разоблачает всю эту ложь, но не может излечить нашу отравленную совесть. Перемена может совершиться прежде всего среди молодежи, не отягощенной пороками уходящего столетия. («Жечпосполита», 16 августа)

 Только за один уик-энд(!) молодежь, возвращавшаяся с концерта в Кракове, разгромила 50 автобусов и шесть трамваев, побила работников городского транспорта — один из них оказался в больнице. В Познани несколько сот молодых людей не попали на концерт они атаковали полицию, повредили шесть полицейских машин и много частных автомобилей. Материальные потери оцениваются в 11 тыс. зл. В Кракове хулиганы устроили погром буддийского центра и избили одного человека. («Жечпосполита», 28 августа)

Оснащение школьника начальных классов (главным образом учебники) стоит ок. 250 зл., гимназиста — 300-400 зл., лицеиста — 500-600 зл. («Жечпосполита», 28 августа)

Томаш Клющинский учился в лицее с международным аттестатом зрелости в Гдыне, а затем в Даунсайде в Англии. Благодаря прекрасным результатам он был при

нят в Оксфордский университет, где намерен изучать философию. Вторая его страсть — русский язык. Плата за первый год обучения составляет 15 тыс. фунтов, у родителей Томаша денег нет. Друзья школы в Даунсайде предложили ему 2 тыс. фунтов при условии, что он совершит пеший поход из Польши в Италию. Остальные деньги обещали польский филиал фирмы «Даймлер-Крайслер», польский банк ПКО и несколько частных лиц. Ночуя в монастырях, Томаш прошел уже 1400 км и достиг Италии. («Жечпосполита», 14-15 августа)

⟨У пошади, коровы, черепахи, собаки, пчелы и даже ящерицы и рыбы были освящены в среду в Микштадте (Великая Польша). В торжественной мессе участвовали свыше трех тысяч человек. Эта традиция в городке существует двести лет. Праздник приурочен к 16 августа, дню св. Роха». («Газета выборча», 17 августа)

Шесть месяцев отсидит в тюрьме 44-летний Тадеуш В. из Острува-Велькопольского за то, что он мучил и зарубил топором свою собаку. Это создает прецедент: до сих пор польские суды не наказывали за мучительство животных. Если бы не еженедельные доклады Филипа Бархе, могло бы показаться, что мы любим животных. Но в этих докладах содержатся данные о собаках, закопанных живьем, о замурованных птицах, о дождевых червях, которых разрезают на глазах у телезрителей. Филип ездит, спасает животных — побитых, раздавленных, с переломами, кровоизлияниями, голодных, больных, воющих, скулящих, потерявших силы. Он имеет право презирать людей. Бывают дни, когда он сам звонит и просит помощи, потому что для суда надо сделать фотографию кошки, которой отрезали ноги, или собаки, которой выкололи глаза. Статистика жестокости в Польше тревожна, хотя все еще не полна. («Жечпосполита», 5 сентября)

⊕ Откуда у некоторых людей берется бескорыстная вражда к животным? Один бескорыстно ненавидит бездомных собак. Другой бескорыстно ненавидит бездомных людей. В Легионове местные скины насмерть забили двух бездомных людей. В Варшаве за одну ночь насмерть замучили четверых бездомных. Во Вроцлаве двое несовершеннолетних убили бездомного, тащившего тележку с ворохом старого тряпья. («Жечпосполита», 8 августа)

Свящ. Мечислав Малинский: «Надо учить детей и самих себя мыть руки перед едой. Но прежде всего надо учить детей и самих себя делать добро и не наносить обид». («Тыгодник повшехны», 3 сентября)

Вацлав Вильчинский

НАГЛОСТЬ НЕВЕЖД

Неведение о состоянии науки, плохая ориентация в реалиях окружающего мира — сегодня это недостатки постыдные, тщательно скрываемые и исправляемые. Но только не у нас. У нас можно носиться со своим невежеством, как с писаной торбой, надменно провозглашать скандальные взгляды, в любом другом месте дающие повод к дисквалификации. Мало того, у нас их выставляют проявлениями здравого смысла, здорового, народного, национального, общественного (эпитет на выбор по вкусу) сопротивления якобы ложным и губительным доктринам.

Нашим политикам ничуть не мешает ни проповедь взглядов, идущих вразрез с современными знаниями, ни совершенно ошибочное толкование основополагающих социально-экономических понятий. Тем более что эти, обычно голословные формулировки несут социальный заряд и могут привлечь голоса малых мира сего. У нас можно быть председателем крупной партии и в 2000 году объявлять войну либерализму — не только как временную линию, но и как генеральную. Можно ввести в программу крупной партии — как основополагающее требование — сохранение высокого уровня перераспределения национального продукта, хотя известно, что чем выше этот уровень, тем ниже уровень инвестиций и экономического роста. И все это, разумеется, под лозунгом социальной ориентации — самой дешевой, рассчитанной на сиюминутный эффект. Вот почему у нас на каждом шагу встречаются ошибочные, полусоциалистические толкования понятия социальной рыночной экономики, а определение «монетарист» функционирует как бранное наряду с «либералом», которому прямая дорога в ад.

Заявляю, дабы не было сомнений: я — либерал и монетарист, так как именно эти направления экономической политики привели к подлинному успеху, доказали свои не только теоретические, но и социальные преимущества, обеспечив быстрый и упорядоченный экономический рост. Взваливать на либерализм и монетаризм ответственность за дурное хозяйствование всяческих правящих групп попросту нечестно. Отрицание этих доктрин под предлогом их антисоциальности доказывает, что их либо не знают, либо сознательно ложно истолковывают. Предложите-ка жителям бразильских фавелл переселиться в рай к Фиделю Кастро. Интересно, согласятся ли они...

Так вспомним же еще раз, что вредоносный американский либерализм обеспечивает полную занятость в гораздо более высокой степени, чем западноевропейское государство опеки. Вспомним и то, что именно монетаризм обеспечил нынешнюю стабильность американской валюты. Мы уже забыли, что в конце 70-х неокейнсианство привело в США к инфляции в 10-12%, а задушить инфляцию смогла лишь та самая зловредная монетаристская политика.

Некоторые наши теперешние политики до сих пор не хотят осознать, что социальная рыночная экономика — в понимании ее создателей Мюллера-Армака и Эрхарда — не имела ничего общего с социализмом и социал-демократией. Определение «социальная» было дано ей ради контраста с «социалистической» экономикой ГДР. Но помним ли мы о том, что, в противоположность французам, англичанам и итальянцам, увлеченным советским хозяйством, в Западной Германии после II Мировой войны так и не был создан государственный сектор, от которого одни неприятности? Знаем ли мы, как трудно в рамках немецкой социальной рыночной экономики довести дело до забастовки?

Пора проснуться! Уже после 1990 г. в Польше накопилось 130 млрд. злотых внутреннего государственного долга — только и исключительно из-за «социально обоснованных» бюджетных расходов. Поэтому в распоряжении государства сегодня не 100, а лишь 86% бюджета! Детям и внукам придется оплачивать наши долги.

worost

Янина Куманецкая

ГАМЛЕТ ДОЛЖЕН БЫЛ СОЙТИ СО СЦЕНЫ

25 июля исполнилось 20 лет со дня смерти Владимира Высоцкого. Эту годовщину торжественно отмечали в России, отметили и в Польше. Появилось множество публикаций о русском барде, первая программа телевидения транслировала из Кошалина концерт, организованный поклонниками творчества Высоцкого. В концерте участвовали выдающиеся польские исполнители, многие из которых когда-то лично встречались с Высоцким. Но вначале была легенда. Легенда белая и — черная. Слухи о молодом актере-певце, восхищающем массу людей, хотя никто о нем не пишет и никто его не рекламирует. Рассказы о неисправимом пьянице (о наркотиках даже в легендах говорилось тогда только намеком), личность которого разрывает рамки упорядоченной с виду советской жизни, о его эскападах. Об этом, кстати, тоже не писали. В Советском Союзе не принято было писать о том, что выходило за рамки декретированной посредственности. А поляки всегда питали слабость к миру, «выпадающему из формы». Высоцкого приняли в Польше как своего. Нас объединяла тогда общая судьба.

Немало советских людей учились читать по-польски, чтобы через польскую прессу выйти на контакт с миром за пределами империи. Они жаждали знаний. А польские интеллигенты искали у восточных соседей любых проявлений непокорности и нонконформизма. Они слушали баллады Окуджавы и песни Высоцкого, потому что жаждали надежды. Высоцкий никогда не был оппозиционером, в нем не было ничего от политика. Он был прежде всего индивидуалистом, выступавшим против обесчеловечивания общества, в защиту личности и ее неотъемлемых прав.

Он часто приезжал в Польшу, в нем видели здесь человека, который думает не так, как приказано. В известном смысле — бунтовщика поневоле. Тогда он уже был мужем французской актрисы Марины Влади и обычно именно с ней бывал в Варшаве — на полпути между Москвой и Парижем. Высоцкий охотно пел в домах своих польских друзей — такие вечера описывает Даниель Ольбрыхский. А Марина сидела как девочка, заслушавшись, полностью поддавшись его бешеному напору. Парадокс польского вос-

КОШАЛИН — ВЫСОЦКОМУ

Двадцатая годовщина смерти Владимира Высоцкого, прославленного русского поэта, актера и певца, уже при жизни окруженного культом харизматического барда, была отмечена в Польше большим концертом его песен, организованным 16 июля в амфитеатре города Кошалина. Почему в Кошалине? Потому что именно там нашлись люди, которые решили превратить памятную дату в событие и с упорством и постоянством осуществили свой замысел. Концерт «Кошалин-2000» действительно имел размах, достойный Высоцкого. Ведь он часто и охотно приезжал к нам, у него здесь было много почитателей, были преданные друзья среди людей искусства. Его песни протеста были популярны в Польше не менее, чем в Советском Союзе, Люди пе-

редавали друг другу раздобытые с трудом записи. Многие молодые люди исключительно ради Высоцкого изучали русский язык. Удивительно, но это правда.

Концерт под названием «Ноты предпочитают танцевать соло» собрал известнейших исполнителей, среди которых блистали, в частности, Мариан Опаня (он прекрасно исполнил песню «Москва — Одесса»), Ханна Банашак, Войцех Млынарский, Ян Новицкий, Петр Фрончевский, Эмилиан Каминский (пронзительно спевший «Коней привередливых»), Виктор Зборовский, Артур Барцись. Концерт был связан воедино компетентным комментарием Люциана Кыдринского и Войцеха Млынарского. Они напомнили о разных областях творческой деятельности Высоцкого (кто сегодня помнит его великолепную роль в сериале о послевоенной Москве «Место встречи изменить нельзя», который у нас показали под названием «Где Черная Кошка?»?).

Концерт был заботливо и изобретательно поставлен режиссером Лацо Адамиком. приятия Высоцкого состоял в том, что на рубеже 60-70-х для тогдашних 20-30-летних поляков именно Марина Влади была воплощением бунта. Фильм Андре Кайата «Перед потопом», в котором дебютировала молоденькая тогда актриса, был, как сказали бы сегодня, поистине культовым фильмом, свежим порывом ветра, ворвавшимся в парализованный немощью мир за «железным занавесом». Быть может, и ее восхищенный взгляд, которого она не сводила с поющего Высоцкого, укрепил польскую легенду о русском барде. А потом, в мае 80-го, был «Гамлет» Театра на Таганке в уже очень неспокойной Варшаве. Тяжелобольной актер все-таки приехал в Польшу, и его принц Датский, опутанный сетями занавеса, был принят с огромным энтузиазмом, воспринят публикой как символ нашей собственной несвободы и бессилия. Спустя неполных три месяца пришла весть о его смерти.

В Польше уже наступало время «Солидарности». На Всепольском смотре настоящей песни (который должен был заменить фестиваль в Сопоте), организованном «Солидарностью» в гданьском зале «Оливия», звучало много неудачных песен, но немало и замечательных. А одним из победителей стал Яцек Качмарский, исполнивший «Охоту на волков» Высоцкого. И сегодня, воздавая почести великому русскому, Качмарский пишет в «Газете выборчей»: «Жизнь и творчество Высоцкого сплелись в невозможный, чистейший узор неукротимого, жадного и щедрого бытия — на бегу, на пределе скорости, над обрывом».

Сегодня все чаще повторяют версию о том, что кончина Высоцкого не была естественной смертью. Конкретными действиями Высоцкий не бросал властям вызов. Он просто был, а с такими, как он, никакая власть бороться не в силах. Таких можно только убить. В Польше этот тезис отстаивает Марлена Зимна, автор книг «Высоцкий — то немногое, что мне о нем известно» и «Кто убил Высоцкого?». Именно Марлена Зимна была главным организатором концерта, состоявшегося в двадцатилетие смерти поэта. Она создала в Кошалине музей Высоцкого: в ее скромной квартире собрано множество кассет, фильмов, плакатов, книг, всевозможных предметов, связанных с памятью о нем. Это — единственный такого рода музей, кроме Государственного музея Высоцкого в Москве (которым руководит сын поэта Никита). Скоро кошалинский музей переедет в Варшаву.

Даниэль Ольбрыхский

ПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Володя довольно поздно начал путешествовать по свету, концертировать за рубежом. Но именно эти поездки позволяли ему перевести дух, затосковать — даже и по тому, что он ненавидел на своей родине. Ибо есть такая тоска — по тому, что ненавидишь в самом себе или в своей стране. Иные художники без этого ощущения просто гибнут. И кто знает, быть может, эта борьба с постоянно отрастающими головами гидры или с ветряными мельницами так и должна длиться без конца.

Заграничные поездки Высоцкого стали возможны лишь после того, как президент Франции Помпиду побывал в СССР и Марина упросила кого следует — в своей книге она описывает эти драматические усилия, — чтобы ее мужу разрешили выезжать за границу. С тех пор он часто ездил в Париж, к Марине.

Как и я, он не любил летать самолетом. И очень любил водить машину. Как известно, путь из Москвы в Париж ведет через нашу страну. Володя очень любил Польшу. Больше чем любил. В его любви к Польше было что-то от глубокого восхищения, изумления. Я знаю точно, это была не просто вежливость. Поклонникам Высоцкого известна анкета, которую он заполнил еще весьма молодым человеком. На вопрос, какую страну он любит более всего — разумеется, после России, любимой отчизны, — он без колебаний ответил: Польшу. Среди композиторов самым близким он считал Шопена.

Знаешь, Маринка, внимательный слушатель найдет в его песнях немало намеренных полонизмов и польских реалий. Ты рассказывала мне, как Володя впервые приехал в Варшаву...

Они рассчитывали провести у меня день или два и ехать дальше. Но несколько запоздали, заблудились. Случайно выбрались к Силезско-Домбровскому мосту и должны были пересечь Вислу в том месте, с которого открывается самый прекрасный вид на Старе Място. Володя остановился, вышел из машины, сошел вниз, на пляж. Очень долго смотрел на Старувку...

Он долго смотрел на Старе Място и на клочке бумаги начал что-то записывать. Там, на пляже. Когда они добрались до меня — я жил тогда на улице Драгунов, рядом с Лазенковским парком, — он прямо с порога объявил: «Я начал писать песню». Это были «Дороги... дороги...»

Володя не расставался со своей гитарой. Но однажды, к моему удивлению, он приехал в Польшу без нее. Оказалось, что на границе советский таможенник заявил: «Высоцкий, ваша гитара нам слишком дорога». И ему пришлось оставить ее в камере хранения! Надо полагать, чиновник не мог позво-

лить Высоцкому где-то там, неизвестно для кого, концертировать. Вероятно, он предположил, что если его начальство узнает о каком-то нелегальном концерте в дружественной Польше, то ему, таможеннику, будет вменена в заслугу попытка этому воспрепятствовать, не выпустив за границу знаменитую семиструнку Высоцкого. Впрочем, один Бог знает, о чем думал этот человек. А может быть, он так любил эту гитару и она столько для него значила, что он просто боялся, как бы Володя где-нибудь по дороге не сломал ее или не потерял.

Разумеется, мы немедленно нашли Высоцкому другую гитару. Правда, шестиструнную, но всетаки. Володю не нужно было долго уговаривать, импровизированный концерт состоялся в отеле «Мазовецкий», в Лодзи.

Я не часто видел слезы на глазах у мужчин. На концертах Высоцкого это случалось всегда. И у всех нас бегали мурашки по спине. Это было нечто необыкновенное.

Чаще всего я слышал, как он пел для поляков. Он отдавал себе отчет в том, что мы понимаем не все слова, и потому перед каждой песней рассказывал, о чем будет петь. Так было и тогда, когда я привел к нему весь Национальный театр во время наших гастролей в Москве.

Мы пришли на Малую Грузинскую, где жил Володя. Он приготовил для нас великолепный, щедро заставленный стол: лососина, икра, грибы, водка... На этот раз не было Марины и провианта от парижских армян. Москва не Париж: даже Высоцкий, перед которым распахивались двери всех магазинов и ресторанов (я думаю, он и представить не мог, что для него не найдется, скажем, осетрины или свободного столика), потратил целый день на подготовку такого приема.

Квартира Володи состояла из небольшой, современно обставленной гостиной, уютной спальни с широким ложем и маленького кабинета, заставленного антикварной мебелью. И небольшой кухни, похожей на кухни в польских блочных домах. Повсюду была видна рука отсутствующей Марины, везде царил образцовый порядок. Я полагаю, в этом была заслуга и мамы Володи. Что касается меня, то без постоянного надзора женщины, которая, прилагая титанические усилия, прибирала бы за мной, я замусорил бы любую квартиру до предела.

Концерт на Малой Грузинской состоялся, разумеется, в гостиной. И на этот раз многие слушатели включили магнитофоны. Высоцкому это не мешало. Совсем наоборот. Он отдавал себе отчет в том, что благодаря этому появляются записи, которые кружат затем по всей стране.

Это не мы выдумали «самиздат». Русский, в особенности записи песен Высоцкого, был весьма специфичен: «магнитиздат» доходил до чекистов и воров, партийных чиновников и диссидентов, студентов и крестьян, профессоров и солдат. До всех, готов поклясться. Чекистам записи нравились до такой степени, что в очередную, кажется, пятьдесят пятую годовщину образования ЧК-НКВД-КГБ они обратились к своему тогдашнему руководству с просьбой пригласить на торжественное собрание Высоцкого. И, кстати сказать, предложили ему огромный гонорар. Высоцкий, ясное дело, вызов принял. Как Адам Михник, он верил, что каждого можно изменить.

«Человека из железа» я впервые смотрел в Канне. Это было меньше чем через год после рождения «Солидарности». Анджей сделал этот фильм, как известно, очень быстро. Марина сидела рядом со мной. Когда в последних эпизодах фильма Кристина Янда запела с такой же экспрессией, как Володя, Марина зарыдала. А через мгновенье сказала: «Господи, и Володя этого не дождался, не видит, что в Польше делается».

Но в каком-то смысле он был с нами, он принимал участие в тех необыкновенных событиях. В 1981 году я участвовал в Фестивале запрещенной песни. Может быть, и потому, что не забыл слова, которые шепнула мне Марина в темном кинозале.

Фестиваль в большом зале «Оливии» организовала гданьская «Солидарность». Съехались барды со всей Польши. Среди них: Яцек Качмарский, Анджей Гарчарек, Мачей Зембатый и многие другие. Мне поручили вести это мероприятие, а также объявить результаты конкурса. Больше всего мне понравилась песня Качмарского, но победила другая — невысокой пробы, обращенная к самым примитивным политическим инстинктам: «...и по жопе, нависшей над Польшей, дать пинка, какой бы красной она ни

была...» Вердикт, несмотря на всю его несуразность, был все же понятен, ибо это был период усилившихся антисоветских настроений. Я вышел и сказал:

— Господа! Поскольку в этом зале царит полная демократия, я, ваш конферансье, не обязан соглашаться с гласом народа. Лично мне больше всего понравилась другая песня, не скажу, какая, — тут часть публики одарила меня аплодисментами, выражая согласие. — Вердикт уже вынесен, — продолжал я, — но я не могу под конец фестиваля не поделиться с вами своими размышлениями. Несомненно, эти великолепные — во всяком случае, некоторые — поэты, барды, поющие под гитару свои стихи, вполне оригинальны. Но их литературная и эмоциональная родословная ведется от знаменитых русских певцов и поэтов. Прежде всего от Булата Окуджавы, а в последнее время — от Владимира Высоцкого, который становится все более известен в Польше. К сожалению, он уже год как умер. Думаю, если бы он был жив и если бы получил визу в Польшу, в чем я не слишком уверен, то его выступление достойно увенчало бы этот фестиваль. Он умер, проблем с визой больше нет. Так дадим ему духовную визу! Я хотел бы закончить нашу встречу песней в его исполнении...

По моей просьбе в зале выключили свет. В темноте один-единственный прожектор осветил одинокий микрофон. И раздалась знаменитая «Охота на волков».

И все же наступила тишина. Володя пел, а я смотрел, как все медленно-медленно встают с мест. Вот так Владимир Высоцкий принял участие в нашем празднике.

После гастролей «Таганки» в Варшаве состоялся прощальный банкет. У Володи уже не было сил петь, хотя все его очень просили. На следующий день он улетел в Париж и только оттуда вернулся в Москву, хотя был обязан послушно, вместе со всей труппой отправиться домой сразу. Но он уперся: нужно в Париж, обязательно, к Марине, словно боясь, что может ее уже никогда не увидеть. Просил помочь ему. Благодаря людям из нашего «Пагарта» удалось устроить ему место в самолете. Я провожал его и Любимова, который летел в Будапешт, до самого трапа. Мы чувствовали: что-то висит в воздухе, приближается нечто решающее и для нас, и для наших стран. Мы махали друг другу, пока Володя не исчез в дверях самолета. Вот так же долго и старательно прощался со своими гостями в Стависко Ярослав Ивашкевич в последние месяцы жизни.

Любимова мне довелось увидеть через пару лет в Вене, в его вынужденной эмиграции. Володю — больше никогда. Из Парижа он еще успел вернуться в Москву, и там — наверно, все-таки лучше, что именно там, — умер.

Только тогда все поняли, что потеряли, в том числе и те, кто недооценивал его при жизни. Когда он ушел, сердца миллионов людей замерли в отчаянии — не только его русских слушателей, но и тех, кто хотя бы раз слышал его.

В январе девяностого Марина писала мне:

Дорогой Даниэль, брат мой. Как мне грустно сегодня.

Володе исполнилось бы 52 года. Он был бы в расцвете лет. Он был бы готов объезжать коней. Издеваться над торгашами. Биться за правду.

Как нам его не хватает!

Как его не хватает мне...

Он столько сделал, чтобы сокрушить этот пресловутый железный занавес, а теперь не может увидеть его обломки. Он первый говорил о Варшаве — городе агонизирующем, а сегодня не может по ней пройтись и порадоваться, видя ее возрожденной для демократии.

Так попробуем, дорогой Даниэль, улыбнуться! Он не хотел бы смотреть на наши грустные мины. Ему с нас причитается.

У него был не только необыкновенный талант. Он любил жизнь, у него было чувство юмора...

Спасибо тебе за все, что ты делаешь, чтобы об этом знали...

Мир мчится как безумный, как кони Высоцкого. Новые ситуации, новые люди. Валятся режимы. Старый мир, которому не было видно конца — так казалось, — трещит, как мачта в шторм. О чем бы сегодня пел мой друг?

В одном я уверен: Володя не ушел бы ни на какой заслуженный отдых. А сколько бы еще всего он высмеял в нас... Вот..

(Фрагменты из книги, опубликованной на русском языке издательством «Вахазар», Москва 1992)

Витольд Бересь

Всепольская ежедневная газета. Выходит с мая 1989 г.

Никто из поляков, носившихся 8 мая 1989 г. в поисках первого номера «Газеты выборчей», никогда не забудет своего удовлетворения. Первое ежедневное свободное слово! Совсем иное — не жалеющее юмора, ехидства, способное поглядеть на себя и поляков со стороны. В передовице редакция писала: «И вот, по прошествии сорока с лишним лет, — первая в Польше, да, пожалуй, и во всем соцлагере нормальная, многотиражная независимая газета. Под словом «нормальная» мы понимаем такую, которая стремится прежде всего информировать — всесторонне, быстро и объективно, четко отделяя комментарий от информации. Про такие газеты до сих пор мы только слышали, а теперь собираемся их делать (...) Мы ощущаем свою связь с «Солидарностью», но намерены отражать взгляды и суждения независимого общества в целом, разных оппозиционных направлений».

А начиналось все с «круглого стола». Именно за этой «мебелью» встретились в начале 1989 г. представители власти и «Солидарности» — в то время нелегальной оппозиции. Эту встречу сравнивали с переговорами о перемирии, завершающем осаду. У властей уже не было сил войти в крепость, а у оппозиции — ни малейших шансов выйти из нее. И вот договорились о «мире без аннексий и контрибуций», а в обмен за согласие на недемократические выборы оппозиция была легализована и получила право издавать свою прессу, в том числе — самое главное — ежедневную газету. (Позднее оказалось, что даже эти половинчатые выборы оппозиция выиграла, и это наряду с натиском новых СМИ привело к окончательному краху коммунизма в Польше).

«ГАЗЕТА ВЫБОРЧА»

10 апреля 1989 г. знаменитый режиссер Анджей Вайда вместе с деятелями оппозиции Збигневом Буяком и Александром Пашинским создали акционерное общество «Агора», чтобы издавать газету. Вначале деньги поступали от продажи газеты, от займа, обеспеченного недвижимостью, и от двух солидных кредитов, предоставленных американскими гражданами, которые позднее стали компаньонами «Агоры». Сегодня «Агора» занимает 19-е место по доходам среди польских фирм, постоянно вкладывает капиталы в новые проекты, а ее акции успешно котируются на варшавской бирже.

Начало было трудным. Символом той романтической эпохи стало здание яслей, спешно при-

способленное под редакцию (насколько спешно, знали те, кому пришлось пользоваться детскими туалетами). А еще была огромная песочница во дворе — такая большая, что в ней поместился весь первый (81 человек)

А.Михник в 1989 г.

коллектив «Газеты», позировавший для памятного снимка. Сегодня фотографировать коллектив газеты приходится с высоты птичьего полета, и на снимке — 684 человека, причем это лишь небольшая часть всей команды, насчитывающей — шутка сказать! — более 2600 человек. В то время газету печатали в старой государственной типографии: набор вручную, свинцовые буквы. Сегодня — сплошная электроника, есть две собственных современных типографии. Первый номер газеты вышел на восьми полосах. Сегодня объем «Газеты», включая все приложения, доходит до... двухсот полос. А еще следует добавить, что строится современное здание редакции, что здесь высокая зарплата (чтобы удержать лучших сотрудников, фирма выделяет им определенную долю акций, которые нельзя продать в

случае ухода из «Газеты»), что выходят приложения к «Газете»: «Журнал», «Спорт», «Телевизионная газета» и еженедельник для женщин «Высокие каблуки».

Поэтому ничего удивительного, что спустя десять лет Адам Михник написал: «Мы счастливы,

Хелена Лучиво соосновательница «ГВ», долголетний зам.главного редактора, председатель издательства «Агора», выпускающего «ГВ»

что лучшее за последние три века десятилетие в жизни Польши—это и лучшие 10 лет в нашей жизни. «Газета выборча»—это не только наша заслуга, это заслуга всей демократической и независимой Польши».

У «Газеты» был и остается свой четкий политический профиль, что с самого начала вызвало противостояние ей правых националистов и комму-

нистов. Они никак не желали признавать, что вкусам всех отвечает энциклопедия, а любое издание, пишущее о политике — если оно не намерено превращаться в занудного ментора, — смотрит на мир сквозь призму взглядов своих журналистов. И хотя «Газета» не скрывает своих либерально-центристских симпатий (свободный рынок, но и помощь самым слабым, отделение религии от политической жизни), она компетентно представляет проблемы всей политической сцены.

Не подлежит сомнению, что характер «Газеты» прежде всего определяется личностью главного редактора — Адама Михника (впервые арестованного за оппозиционную деятельность еще в 1965 г., в возрасте 19 лет). Говорят, он лично убедил Леха Валенсу в поезде, шедшем из Гданьска в Варшаву, чтобы ему доверили возглавить газету, которую планировала издавать «Солидарность». Когда сегодня говорят, что в 1989 г. «Газета» оказалась в чрезвычайно выгодных рыночных и политических обстоятельствах и умело ими воспользовалась, в этом звучит пренебрежение к ее коллективу. А ведь достаточно взглянуть на другие издания, которые тогда же пытались восполь-

зоваться обстоятельствами, но им не повезло. Благодаря всему своему коллективу «Газета» добилась политического, профессионального и финансового успеха. Но благодаря Михнику удалось и еще коечто: «Газета» не боится высказывать собственное мнение как по самым заурядным, так и по самым важным для Польши вопросам и умеет мобилизовать на их решение своих читателей. Она проводит акцию «Рожать по-человечески», в которой ратует за хороший больничный уход. Поддерживает рыночные реформы Бальцеровича и рассказывает о развалившихся госхозах. Устраивает общепольский плебисцит на тему «Наши триумфы, наши провалы» (триумфом оказывается раскрытие правды о Катыни, провалом — уровень польского футбола), а в ходе кропотливого расследования раскрывает коррупцию в связях бизнеса с политикой. Но прежде всего главный редактор пишет тексты, которые меняют польскую политическую сцену. Так было с «Тысячей слов», где вместе с английским журналистом Тимоти Гартон Ашем и венгерским деятелем оппозиции Яношем Кишем он призвал в 1989 г. общественность стран Центральной Европы к солидарности (Центральная Европа, включая Россию, это большая любовь Михника). Так было со статьей, написанной вместе с деятелем экс-коммунистической партии, впоследствии премьер-министром, Тимошевичем (1995) и призывавшей либералов и бывших коммунистов преодолеть взаимные предубеждения. Так было с самым знаменитым в свободной Польше текстом — «Ваш президент, наш премьер», где в июле 1989 г. он апеллировал к формально еще правившим коммунистам, призывая поделиться властью, отдать пост премьер-министра представителю оппозиции. Что вскоре и произошло, положив начало гигантским переменам в Польше.

В процитированной выше передовице редакция писала: «Газета наша невелика по объему, так как при полумиллионном тираже только на такой объем хватает бумаги, которую продает нам государство. При этом она дорогая, ибо у нас этой бумаги слишком мало, чтобы печатать объявления, как другие газеты. Нашего дефицита никто не покроет. Если вы, дорогие читатели, хотите иметь свободную прессу, поддержите ее, покупая нашу газету».

Читатели поддержали свободную газету.

Ежи Федорович

ХУЛИГАНЫ СТАВЯТ ШЕКСПИРА

В 1949 г. было начато строительство сталелитейного комбината на самых плодородных сельскохозяйственных землях в окрестностях Кракова — города, внушить которому коммунистические «ценности» было в Польше труднее всего. Потэому и было решено слить консервативную интеллигенцию одного из прекраснейших городов Европы (где университет существует с 1364 г.) с новым рабочим классом, возникавшим на строительстве комбината, а затем работавшим на нем. Комбинат им. Ленина был советским подарком Польше. Создавался новый город по образцу Комсомольска или Кузнецка. Предполагалось, что жители его станут опорой партии. Однако в этом партийные руководители ошиблись, и ошиблись здорово. Именно в Новой-Гуте произошли первые столкновения рабочих с коммунистическими властями в битве за возведение костела. Тут же возникла вторая по силе (после Гданьской судоверфи) рабочая «Солидарность». В 80-е годы, с момента объявления военного положения, здесь шли столкновения рабочих с милицией. В них принимала участие и молодежь. Это продолжалось, пока

не наступил 1989 год и конец коммунистической системы.

В таких исторических и социальных обстоятельствах 1 сентября 1989 г. я был назначен директором Народного (Людового) театра в Новой-Гуте. Этот театр был знаменит. Первые десять лет его существования (1955-1965) — непрерывная цепь успехов. Молодые режиссеры и сценографы. Молодой коллектив. После наступившей «оттепели» — обращение к западному театру и драматургии. Новое содержание. Новая форма. Театр стал модным. Сюда приезжала краковская интеллигенция, а за ней и вся Польша. Это было в самом деле нечто!

Позже бывало по-разному: то лучше, то хуже. Но я все равно начинал создавать театр заново. Омолодил кол-

лектив. Уговорил сотрудничать выдающегося актера и педагога Ежи Стура — он должен был дебютировать у нас в качестве режиссера. Труднее всего было начать. Мы решили поставить спектакль в честь жителей Новой-Гуты. Идею подал Анджей Вайда. Иоанна Ольчак-Роникерова написала, а Кшиштоф Ожеховский поставил «Человека из мрамора — начало и конец», пьесу о металлургах и строителях комбината. О судьбе человека. Репетиции мы начали в сентябре 1989 года.

Уже наступила свобода. Прежде всего принялись крушить символы. Та же молодежь, что сражалась с милицией, решила снести памятник Ленину. Шли беспорядки. Приезжало телевидение со всего мира. Снимали происходившее в аллее Роз, а заодно заходили и в театр. Снимали репетиции. Расспрашивали. Были любознательны.

Премьера состоялась 8 декабря и совпала со снятием Ленина с постамента. Это был великий день. Нова-Гута была другой, действительно свободной. А театр добивался успехов — одного за другим: «Ивонна, принцесса Бургундии», «Опера нищих», «Укрощение строптивой», Брель, Сорокин.

Но вот все начало рассыпаться. Молодежные банды, потеряв политического противника, принялись драться друг с другом. Нигде больше мне не встречался театр, расположенный между двумя школьными спортплощадками. Представьте себе: неполная средняя школа — спортплощадка — те-

атр — средняя школа — спортплощадка. Вечером темно. Кусты. Никакой культурной инфраструктуры, плохой транспорт, а в театре каждый вечер 370 человек. И вдруг начал шириться страх. В автобусы бросали камнями, цеплялись к людям на улице. На тогдашнем польском молодежном сленге это называлось «Мексика».

Зрительный зал пустел. Родители боялись за детей. Я не знал, что делать. Просить помощи у полиции? Это могло лишь ухудшить дело. Слишком недавней была «коммуна» — они могли счесть меня стукачом. И я позвал «бритоголовых» на встречу в театр. Почему именно их? Потому что все молодежные, как это у нас называлось, «задымы» при-

писывали тогда скинам. Только специалисты хорошо различали разные субкультуры. Я сам в молодости был хулиганом, а знания мои заканчивались на хиппи и «гит-людях» [польская приблатненная молодежь 60-х]. И вот я через средства массовой информации пригласил в театр скинов. И, о чудо, они пришли! Вероятно, из любопытства: чего, мол, этот тип хочет? Полиция спряталась под сценой — обещали, что выскочат в момент опасности, например, если начнется погром. Были журналисты и телевидение. Это происходило в ноябре 91-го. На сцене мы репетировали мюзикл о св. Франциске Ассизском, а в зале было черно от курток «флейерс» и светло от стриженых голов.

Репетиция их не особо интересовала. Когда они заговорили, я услышал жуткие вещи: «Польша для поляков», «Бей жидов, немцев, румын», — и тому подобные глупости. Я сказал, что это меня не интересует, что мне это противно и что в искусстве нет места ненависти и подобным разделениям. Я говорил, что их направляют дураки постарше. Попросил у них два месяца спокойствия — такой пакт о ненападении. А потом я им что-нибудь предложу. Они пообещали. Публично, так как это показали по телевидению в «Экспрессе репортеров». И они сдержали слово. Вокруг театра было спокойно. Но передо мной стоял вопрос: что им предложить?

В то время мы готовили премьеру «Ромео и Джульетты». На роль Джульетты мы объявили конкурс для 15-летних девочек из Кракова и окрестностей. Их приехало пятьсот. Прослушивания продолжались три дня. Девочка, занявшая второе место, заявила, что если не сыграет эту роль, то покончит с собой. Я перепугался и сказал, что сыграет. Жизнь подкинула идею. В это время я уже больше знал о субкультурах. Знал, что панки и скины — враги. И вот 13 января 1992 г. я пригласил в театр тех и других и спросил, хотят ли они сыграть «Ромео и Джульетту» и принимают ли эту девочку. Панки согласились — значит, скины согласиться не могли. Я обещал, что они будут играть в костюмах, соответствующих их субкультурам, и что костюмы станут их собственностью. Это перевесило, и мы начали репетиции. Панки — Монтекки, скины — Капулетти. Я выбирал, кто кого будет играть. К счастью, ни разу не ошибся. Ромео — панк Веслав Загул, по кличке «Аграва». Он был лидером панковской рок-группы. Его товарищи: «Роко», «Дратва», «Молодой», «Князь», «Слон», «Нюсик», «Душ», «Малолеток», «Виола» — Монтекки. Скины: «Оззи», «Жирный», «Бритва», «Гроб», «Отрава» — Капулетти. Мы репетировали три месяца по три раза в неделю, а перед премьерой — каждый день. Как в настоящем театре. Между 13 января и 3 мая возникло представление из 11 сцен «Ромео и Джульетты», сокращенных, но составляющих единое целое, с музыкой, которую выбрали те и другие. Только две сцены шли полностью: сцена на балконе и рассвет (разлука). Остальное было сильно сокращенным и динамичным. Все уличные бои были необычайно эффектны, так как «актеры» не изображали удаов, а дрались на самом деле, и им это вовсе не мешало. Зато на зрителей это производило впечатление — я видел людей, со страху забившихся в кресла или инвалидные коляски. Не успели они вздохнуть, как спектакль кончился — он продолжался 50-55 минут.

Во время репетиций я заметил, что, когда Ромео и Джульетта говорили о любви, наступала полная тишина. Забыл сказать, что все репетиции были открытыми, и на них приходило 50-100 «болельщиков». Мы репетировали на экспериментальной сцене в здании администрации и техники театра. Приходила молодежь из разных субкультур: курили в туалетах марихуану, гасили окурки об кресла, плевали на пол, часто были грязные и дрались, но драки всегда происходили метрах в десяти от театра. Уже и это

был прогресс. Каждый день все улучшалось, хотя по-прежнему было очень трудно. Часто я думал, что не справлюсь. Тогда я всех выгонял и проводил закрытые репетиции с Ромео и Джульеттой. Потом возвращались остальные. И так — четыре месяца. Постоянно в присутствии тележурналистов.

Еще в ходе репетиций меня пригласили в Германию. В пограничном Шведте-на-Одере проходила международная конференция по методам борьбы с насилием, ксенофобией и т.п. Шла речь главным образом о польско-немецких проблемах. После крушения Берлинской стены постоянно вспыхивали

конфликты, главным образом среди молодежи. Наш театр становился образцом работы с трудной молодежью. Говорили, что невозможное стало фактом.

Так оно и было. Премьера 3 мая 1992 г. была необычайно успешной и принесла огромное облегчение. Нам пришлось тут же повторить весь спектакль, потому что собрались такие толпы трудной молодежи, что, стремясь избежать конфликта, я пообещал, что спектакль будет сыгран дважды. И так 10 раз в мае. На большой сцене шел спектакль классического театра, на малой — та же знаменитая шекспировская трагедия в исполнении панков и скинов. Этот труд нас объединил. Они начали уважать себя, поняли, что такое коллектив людей, устремленных к общей цели. Большинство из них — люди глубоко одинокие и разрядку своим чувствам находившие в агрессии — на улице, на матчах или дискотеках, которых тогда, кстати, еще было мало. В театре они нашли друзей, а многие — и любовь. Шесть пар у нас встретились, полюбили друг друга, нарожали детей.

Между тем спектакль приобрел славу. Появились статьи во всех европейских газетах. О нас писали даже в Японии и Бразилии. И, наконец, пришло первое приглашение на заграничные гастроли. Я этого ожидал и раньше, говорил ребятам, что это может случиться. И вот случилось: мы едем в Берлин.

Октябрь 92-го. Выезд в субботу, с понедельника идут репетиции, чтобы возобновить спектакль. Мы хотим выглядеть как можно лучше. В среду вечером я распускаю труп-

пу (около 25 человек). Остаются только Ромео и Джульетта — мы дорабатываем их сцены. Утром прихожу в театр в 9 часов. В кабинете меня ждут полицейские в штатском. Спрашивают, когда вышли «актеры». В восемь вечера. Знаю ли, куда они могли пойти? Нет, не знаю. А что случилось? Оказывается, в половине девятого десяток скинов напал на двух немецких шоферов тяжелых грузовиков и так их избил, что один умер от потери крови. Якобы это был реванш за нападения на поляков в немецкой пограничной зоне. У меня сердце замерло. Но я сразу сказал, что не верю, чтобы среди этих бандитов были мои люди. Двадцатью часами позже преступников схватили. Среди них не было моих «актеров». Какое облегчение в такой страшный момент: если бы оказалось, что были, это подорвало бы смысл моей работы. Стоит ли вообще ими заниматься? Тем более, что они особенно опасны, когда собираются в кучу.

Между тем началось обсуждение (в СМИ и дипломатическое), имеет ли смысл наша поездка в Германию. Нам очень помог германский генеральный консул. Он знал мой проект и был сторонником такой деятельности. Мы выступили вместе с ним в телевизионных новостях. Бонн и Варшава обменивались дипломатическими нотами. Возникло опасение (бессмысленное под конец XX века), что где-нибудь в лесах между границей и Берлином нас будут поджидать орды жаждущих крови и реванша немецких скинов, панков, нацистов, металлистов и прочих. Две матери — правда, действительно очень крутых парней — не согласились на их поездку. Пришлось срочно искать автобус и шофера: заказанный отказался нас везти. Наконец едем. Я наблюдал за моей труппой. Чем ближе к границе, тем больше они

притихали и, что скрывать, выглядели испуганными. Я тоже заразился их напряжением. Но, чтобы преодолеть страх, панки придумали сделать самые затейливые «ирокезы»: поставили волосы дыбом и обрызгали их краской. Они выглядели как самая чудесная, самая цветастая панк-группа в Европе. Зато скины были чистенькие и необычайно вежливые. Вообразите себе шок немецких пенсионеров, которые на автостоянке посреди Германии увидели идущих рядом и мило беседующих скинов и панков. Это боязливое удивление сопровождало нас три года.

Приезжаем в Берлин. Спим на армейских нарах в старом Доме культуры. Играем в бывшей пивоварне, превращенной в многофункциональную сцену с административными и ресторанными помещениями. Замечательная система. Старые, заброшенные фабрики, превращенные в театры, галереи, дискотеки и т.п. Kulturfabrik. В Германии их полно. Забыл добавить, что нас сопровождала съемочная группа польского телевидения. Раньше я сам записывал репетиции и спектакли — из этих материалов возник телефильм «Задыма». На этот раз телевидение, предчувствуя сенсацию, послало свою съемочную группу. Это прибавляло нам престижа. Пришли немецкие журналисты. В зале были специалисты и берлинская трудная молодежь, в том числе группа уже сдружившихся с нами металлистов из Лейпцига. Спектакль закончился овацией, и все дружно сплясали «пого». На следующий день все серьезные газеты напечатали восторженные рецензии. Так началось наше трехлетнее турне по немецким городам. Мы играли в Гамбурге, Бремене, Эссене, Фрейбурге, Нюрнберге, Франкфурте-на-Майне, а потом и во Франции — в Рамбуйе.

Все это выглядит красиво, но не всегда все было так розово. Конфликты происходили почти ежедневно. Пятеро ребят удосужились разнести в поездке автобус. Нас также подвергали всяческим манипуляциям: не верили в возможность взаимопонимания между панками и скинами, обвиняли в мистификации. Часто это было весьма болезненно. Например, нас не допустили на фестиваль польской культуры в Италии, обвинив меня в том, что я руковожу театром скинов, т.е. шовинистов. Позже извинились. Я сильно переживал, но это был неплохой урок. Только время позволило мне понять, что так и идет жизнь: шаг вперед, а потом зачастую два назад. Мы с ребятами очень полюбили друг друга, и теперь, когда они уже взрослые, у меня среди них много друзей. Нескольких спасти не удалось — их погубили наркотики и алкоголь.

Изменилась и моя жизнь. Меня приглашали на серьезные международные конференции по проблемам современной молодежи. Я показывал фильмы о нашей работе в Германии, США, Франции, Австрии, Белоруссии. Мне постоянно приходилось отвечать на вопрос: почему мне это удалось? Думаю, потому, что они нашли во мне сурового и строгого отца. У меня два сына, оба в возрасте этих ребят. Я актер, так что могу говорить на их языке. Я не мог себе представить, что мальчишки могут разрушить мою любовь — театр. И никогда ни в чем их не обманул.

Р. S. Дорогой русский читатель, вот несколько слов на тему удивительного приключения, которое продолжалось четыре года. Я устал, пытался отдохнуть от «педагогической» работы. Однако что-то уже было посеяно, и в 1996 г. я начал работать с лечащимися от наркозависимости. Я провел с ними два года. Мы поставили два спектакля, я получил звание «Волонтера 1996 года». Среди моих «актеров» были и пациенты из Киева, Москвы, Братиславы, Петербурга. Многих уже нет в живых. Я прикоснулся к самой болевой проблеме XX века — наркомании. Тем, кто хотел преодолеть ее, театр очень помог, но мы плакали по тем, кто ушел от нас, — их было свыше 90%. Никогда не забуду взгляда матери, сын которой стал «неофитом» (избавился от наркозави-

симости). Она сказала, что чувствует себя так, как тогда, когда его впервые поднесли ей к груди после родов. Для таких-то минут и стоит работать. Я пишу эти слова, потому что мой театр продолжает терапевтическую деятельность.

Мы работаем с умственно неполноценными, одинокими детьми и взрослыми, с молодежью из трудных семей. Мы растим специалистов. У нас есть последователи. Есть смысл жить красиво.

Чеслав Милош

Перевод Валентины Кулагиной-Ярцевой

ИЗ КНИГИ «ПРИДОРОЖНАЯ СОБАЧОНКА»

не мой

Всю жизнь разыгрывать, что он и мой, их мир, Сгорая со стыда за это шарлатанство. А что поделаешь? Ударься в крик, Начни пророчествовать — кто тебя услышит? Экраны, микрофоны — всё у них. А типы вроде нас бредут по тротуарам, Бубнят себе под нос. Спят в парке на скамьях И на асфальте в переходах. Мало Кутузок, чтоб упечь всю эту голытьбу. Молчу и усмехаюсь. Меня достанешь, как же. Я с избранными за одним столом.

Перевод Бориса Дубина

СУД

Результаты наших дел. Совершенно неведомые, ибо каждый связан со множеством обстоятельств и поступков других людей, хотя какой-нибудь абсолютно точный компьютер мог бы их высчитать. С обязательной поправкой на случайность — ибо как рассчитать последствия движения бильярдного шара, ударившегося о другой шар? Можно, впрочем, утверждать, что ничего не происходит случайно. Так или иначе, оказавшись перед точно просчитанным итогом своей жизни, есть отчего прийти в изумление: стало быть, я в ответе за все это зло, совершённое против моей воли? Стало быть, на другой чаше весов добро, которое я не собирался творить и о котором не подозревал?

НА МЕСТЕ СОЗДАТЕЛЯ

Если бы тебе дана была власть сотворить мир заново, ты думал бы и думал, пока, наконец, не пришел бы к выводу, что лучше того, какой есть, выдумать не удастся. Сиди в кафе и смотри на идущих мимо мужчин и женщин. Согласен, это могли бы быть бесплотные существа, не подвластные времени, болезням и смерти. Но бесконечное богатство, сложность, многообразие земных предметов проистекает именно из содержащихся в них противоречий. Разум не был бы так притягателен, если бы не все, что напоминает о его укорененности в материи: скотобойни, больницы, кладбища, порнофильмы. И наоборот: физиологические потребности угнетали бы своей животной тупостью, если бы не играющий, порхающий над ними разум. Путеводительница сознания, ирония, не могла бы предаваться своему любимому занятию — подглядывать за телом. Похоже, что Создатель, этические мотивы которого теперь вызывают у людей сомнения, руководствовался прежде всего желанием сделать мир как можно интереснее и как можно смеш-

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Согласно книге буддийского монаха, которую я сейчас читаю, самая сущность буддизма есть mindfulness. Наверное, это слово можно перевести как сосредоточенность или внимательность. Смысл таков: надо со вниманием относиться к существующему сейчас, а не обращаться к тому, что было, или к тому, что будет,

Это спасительно для тех, кого мучит совесть, кто вновь и вновь переживает свои давние падения, спасительно для людей беспокойных, со страхом представляющих себе, что случится завтра. Пусть мои стихи помогут читающему их жить в настоящем времени. И пусть я как человек излечусь от недугов памяти.

BMECTO

Он изумлялся и завидовал, но не тем, кто, подобно ему, отдавал себя искусству. Рядом с ним ходили по земле действительно святые герои, великие своим милосердием, сочувствием и любовью. У них было то, чего ему больше всего недоставало, и в этом он был похож на своих сотоварищей по искусству. Ибо он знал: искусство требует полной преданности, что, увы, означает предать в рабство свое эго. Замечая в себе почти детский эгоизм, он утешался мыслью, что среди людей своей профессии он не исключение, что все они страдают одним пороком — недостатком человечности.

Если я родился таким, что напрасно пытался бы очиститься и освободиться, сказал он, пусть по крайней мере созданное мною искупит мою слабость и поможет прославить красоту человеческой души.

НА ВРЕМЯ И ДЛЯ ВИДА

Вставать утром и идти на работу, быть связанным с людьми любовью, дружбой или чувством протеста — и постоянно понимать, что все это на время и для вида. Потому что постоянной и истинной была в нем надежда, настолько сильная, что сама жизнь вызывала у него нетерпение. Теперь, сейчас, через минуту он должен был поймать — что же? Волшебную формулу, в которой сосредо-

точилась вся правда о бытии. Он чистил зубы, а она была совсем рядом, он принимал душ и почти уже произносил ее; если бы он не вошел в автобус, то, возможно, формула бы ему открылась. И так весь день. Проснувшись среди ночи, он чувствовал, что прорывается к ней сквозь тонкую преграду, но в этот момент, обессилев, засыпал.

Он не потворствовал своей одержимости. Мирился с тем, что должен быть тем, кто он есть, в этом месте и в эту минуту, относиться со вниманием к близким, стараться делать то, чего от него ждут. Объявлять, что они на время и для вида, значило бы обижать их, но отказаться от мысли, что на самом деле на жизнь с ними нет времени, он не мог.

почему стыдно?

Поэзия — дело стыдливое, поскольку берет начало слишком близко от занятий, называемых интимными.

Поэзию нельзя отделить от сознания собственного тела. Она, нематериальная, парит над ним и в то же время привязана к нему и дает основания стыдиться, ибо делает вид, что принадлежит к особой сфере — духу.

Я стыдился того, что я поэт, как если бы, раздетый, публично афишировал телесный изъян. Я завидовал людям, которые стихов не пишут и которых поэтому считал нормальными, в чем, впрочем, ошибался, ибо такого определения заслуживают немногие.

БУДУЩЕЕ

Пролегомены к обществу будущего. Бесчисленные разновидности психических заболеваний; сумасшедшие бродят по улицам и разговаривают сами с собой — как сегодня в Калифорнии; всеобщая распущенность в отношении секса, наркотиков и преступлений. Отсюда — потребность собираться в небольшие общины, объединенные уважением к разуму, здравому смыслу и чистоте нравов. Возможно, среди всеобщего одичания в них даже сохранится поэзия, словно здоровый среди больных, как некогда она была больным среди здоровых.

ПЛЕМЕНА

Хотелось бы мне написать историю этих племен, да удерживает мысль, что не было у них никакой истории и что, сделай я это, стал бы повинен в создании вымышленной картины для их потомков, жадно хватающихся за любую мифологию.

ЛАБИРИНТ

Мне довелось жить во времена, когда человек стал поклоняться лабиринту собственного разума. Именно это, а не что иное вызвало бурную деятельность поэтов и художников. Сочетание слов либо красок на полотне заменило собой вопросы, обращенные к небу, земле, морю, звездам и облакам, откуда уже не ждали ответа. Мне бы радоваться этому, ведь я был словослагателем. Я задумывался, откуда взялось мое неприятие.

— Ну конечно, — сказал я, — я вырос в провинции, там, где в сельском деревянном костеле молились Богу во плоти человеческой, а вырезанные из липового дерева Солнце и Месяц находились в Его свите. Будучи таким старосветским, я простодушно слагал гимны и оды, пользуясь разумом как пером и бумагой, не заботясь о том, чтобы воздавать ему особые почести.

ЛЕЙКА

Зеленого цвета, стоящая в сарайчике рядом с граблями (это русское слово употреблялось в моих краях) и лопатами, она оживала, когда в нее набирали воды из пруда, а затем из ее раструба лился обильный душ на высохшие грядки, лился в ходе, как мы считали, нашей благотворительности растениям. Неясно, однако, заняла бы лейка такое место в нашей памяти, если бы нас не учили замечать вещи. Нас все же научили этому. Наши живописцы редко подражают голландцам, мастерам натюрморта, зато фотография помогает обращать внимание на деталь, а кинематограф научил нас, что показанные предметы участвуют в действии фильма и должны быть замечены. Есть и музеи, в которых висят картины, придающие торжественность не только человеческим фигурам и пейзажам, но и множеству предметов. И, стало быть, лейка обладает всеми качествами, чтобы занять важное место в нашем воображении, и, кто знает, не здесь ли, в восприятии ее четко обрисованной формы, заключена надежда на спасение среди бурных вод хаоса и небы-

УРОК

Долгая жизнь. Да, но это результат медицинской науки. Он знал, какая болезнь может его свалить, если бы не прописанное и каждый день неупустительно принимаемое лекарство. Поэтому он не водился с теми, кто издевается над идеей прогресса.

Полный перевод будет опубликован на русском языке в издательстве «Независимая Газета»

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЭТЫ В КРАКОВЕ

В ноябре этого года в Кракове польские поэты, лауреаты Нобелевской премии, Вислава Шимборская и Чеслав Милош проводят международный съезд поэтов. Основная тема съезда связана с религиозным аспектом поэзии.

Россию будут представлять два поэта из Петербурга — Елена Шварц и Сергей Стратановский. Интервью для «Новой Польши» взяла у них Татьяна Косинова.

Интервью с Еленой Шварц

Е.Ш.: Польских мотивов в моих стихах не так уж много. В стихотворении «Бурлюк» (1974) Польша только коротко упоминается как символ обиженности, обделенности.

Но вы — о бедные — для вас и чести больше, Кто обделен с рождения, как Польша, Кто в пору глухоговоренья Родился — полузадушенный, больной, Кто горло сам себе проткнул для пенья, Глаза омыл небесною волной И кто в декабрьский мраз — как чахлая осока, На льдине расцветал, шуршащей одиноко.

Но это не совсем точно — не с рождения Польша была обделена, а уже гораздо позднее. Вообще Польша для меня очень много значит. Всегда Польшу любила. Не как самый западноевропейский народ, а именно как самый мистически настроенный из всех славянских народов. Мессианские польские идеи мне тоже очень близки. Мессианские идеи мне в любом народе интересны, будь то польский, иудейский или русский народ. Как говорил Достоевский о русском народе — «народ-богоносец». Самосознание любого народа как богоносца, свойственное полякам, евреям, мне близко. И как самый страдающий народ. Может, поэтому в стихотворении «Плавание» все это переплелось с идеей смерти.

«Плавание» написано в 1975 году. Это стихотворение о смерти, что не сразу понятно. Оно приснилось мне во сне, поэтому имеет еще какую-то дополнительную гарантию верности. Люди плывут в лодке, причем непонятно, по Висле или по

Финскому заливу. Почему те, кто сидит в лодке, в основном поляки, я не могу вам досконально объяснить. Постепенно герой понимает, что вокруг него все убитые, и сам он убитый. Все они переплывают в царство мертвых. Почему-то так оно приснилось мне.

— А когда вы стали читать по-польски? — Лет в 20. Можно было покупать польский журнал «Кобета и жиче» и, во-первых, получать из него какую-то информацию, которой не было в советских журналах, а во-вторых, читать польских поэтов. О Мицкевиче я не говорю, я читала и «Дзяды», и многое другое. Читала Словацкого, конечно. Но больше всего мне нравились Лесмян и Норвид. Может быть, фильмы польские меня к этому подтолкнули. «Пепел и алмаз» мне очень нравился. Я вообще любила изучать языки: итальянский, английский и другие, и польский в том числе. Сейчас давно практики нет, но одно время я даже довольно бойко на нем разговаривала.

— A с кем?

— С какими-то была знакома поляками по жизни.

— Специально искали какого-то знакомства?

— Нет, я не искала никогда. Я никаких знакомств вообще не искала. В основном через маму. Мама в театре работала [Дина Шварц, завлитчастью Большого драматического театра]. Она дружила с Эрвином Аксером, который у них в театре поставил спектакль «Карьера Артура Уи» Брехта и другие. Очень хороший режиссер, мне он очень нравился. Он написал книгу о своей жизни. И речь шла о том, чтобы ее здесь публиковать и чтобы я переводила из нее что-то. Я даже перевела какой-то кусочек, но мы не нашли издателя. Я театровед по образованию. Мне нравился Гро-

товский очень. Я его не видела, не знала, но читала о нем.

- А из политических событий вас чтото в Польше интересовало?
- Интересовала «Солидарность». Мы все сочувствовали антитоталитарным движениям, естественно. Но больше я польским искусством интересовалась, театром, литературой, кино. Кесловский мне очень нравился, его «Десять заповедей». Меня просто потрясла в свое время писательница, которую у нас почти не знают (я ее читала попольски), Налковская. Потом потрясающий писатель Бруно Шульц он жил в Дрогобыче, считается польским писателем, потому что писал попольски, но в сущности трудно определить его национальность, потому что принадлежит он еврейско-польско-русско-украинской культуре. Недавно в издательстве «ИНА-пресс» вышла его книга в очень хорошем переводе Цивьяна.
  - А на польский вас не переводили?
- Только журнал «Литература на свете» (1994, №7/8).
  - Вы бывали в Польше?
- Нет, никогда. Почему-то я как раз подумала: как мне хотелось бы в Польшу, наверное, в Польшу я не поеду никогда. И вдруг приглашение на встречу поэтов в Кракове. Я очень обрадовалась. Во-первых, потому что такие встречи духовной, религиозной поэзии — большая редкость в мире. Я очень рада, что Чеслав Милош и Вислава Шимборская проводят встречу именно духовной поэзии. Поэтические фестивали проходят, к сожалению, в самых отдаленных странах. А в России, Польше или Чехии — в странах, которые меня особенно интересуют, — ничего такого не происходит. Поэтому в Польшу для меня было труднее, сложнее поехать, чем в Америку или во Францию. Я очень рада. Мне очень хочется в Польшу.

Елена Андреевна Шварц родилась в Ленинграде. По образованию театровед. Пишет прозу и стихи с 13 лет. Не публиковалась в России до перестройки изза религиозных мотивов в поэзии и необычной поэтики. Печаталась за границей и в самиздате. Первый сборник стихов на родине вышел в 1989. Награждена литературными премиями им. Андрея Белого (1981) и «Северной Пальмиры» (1999). Переводилась на многие языки.

Интервью с Сергеем Стратановским

- Расскажите, пожалуйста, какие события в Польше или явления польской культуры оказали на вас влияние? Когда впервые возник интерес к Польше?
- В мои студенческие времена тема Польши все время присутствовала. Было такое увлечение Польшей и такое ощущение, что в Польше больше свободы, чем у нас.
  - Где вы учились?
- Я учился в Ленинградском университете, на отделении русского языка и литературы. Польский язык мы изучали два семестра, поэтому я его почти уже и не помню. В нашем поколении Польша была символом не то чтобы свободы, но во всяком случае какого-то сопротивления. И, конечно, большое влияние оказало польское кино. Польское кино стало для нас феноменом, мы им очень увлекались, прежде всего фильмами Вайды. У меня до сих пор два самых любимых польских фильма «Пепел и алмаз» и «Канал» Вайды, но, пожалуй, «Пепел и алмаз» самый любимый. Остальные фильмы несколько меньше, но во всяком случае все кинокартины Вайды имели на нас очень большое влияние.
  - A чем они отличались?
- Какой-то особой атмосферой, какой-то лирической нотой, которая, очевидно, свойственна Вайде как режиссеру. Для меня польское кино это был в первую очередь Вайда. Я помню дискуссию на тему фильма «Все на продажу» так активно все это обсуждали.
  - Мне говорили, что сам фильм «Пепел и алмаз» и все, что связано с его главным героем, имело даже какие-то формы выражения в поведении, ему подражали. У многих людей самых разных возрастных и социальных групп начиная от учеников ПТУ и заканчивая студентами университета появилась мода на темные очки, на определенные движения, немногословность. Как сказал мне Лев Лурье: «Цибульский был главным брутальным и инфернальным героем того времени». Увлечение Цибульским както проявлялось в поведении ваших сверстников?

- Да, было восхищение именно Цибульским, хотя таких явных следов подражания я не замечал во всяком случае из моих знакомых темных очков никто не носил. Потом еще больший всплеск был в связи с «Солидарностью», как раз в нашей именно компании был человек, который знал польский язык, и он переводил статьи из польских газет.
  - A кто это был?
- Это был человек малоизвестный, инженер Юра Климов, он уже умер.
  - Среди ваших знакомых были полонофилы?
- Полонофильство было распространено, но, насколько оно было глубоким, трудно судить скорее оно было поверхностным, но было распространено в большей или меньшей степени у всех. А полонофобии не было. В среде диссидентов был, должно быть, большой интерес к Польше. Но я принадлежал к кругу не собственно диссидентскому (да и диссидентство в Петербурге было довольно своеобразное), а скорее к литературному.
  - В ваших самиздатских журналах был раздел переводов были ли там переводы с польского?
- По-моему, не было. Мы, правда, хотели дать подборку статей о «Солидарности», но потом не решились: журнал был чисто литературный, несколько аполитический, его издание было для нас актом скорее творческим, чем политическим. Нас очень интересовало, что интеллигенция в Польше нашла общий язык с рабочими.

Вообще события 70-80-х годов в Польше интересовали, захватывали. Я даже стихотворение написал. Оно было плохое, поэтому я его как бы вычеркнул из своего творчества и приводить ни в коем случае не буду, но тогда в связи с «Солидарностью» было написано прямо публицистическое стихотворение. Сейчас я его уже забыл. Что касается польской поэзии, то я ее знаю в основном в переводах, так что мне трудно судить.

У меня нет никаких польских корней, мое происхождение чисто русское. У Виктора Кривулина какие-то польские корни есть, он утверждает, что у него в роду был какой-то польский граф, но я не знаю, насколько это правда. У Кривулина есть очень хорошее стихотворение на польскую тему: «Наш ли цезарь переходит Вислу или ихний островерхий кайзер катит гаубицы против хода солнца...» Тоже о судьбе Польши.

- А с чем для вас связано такое представление о польском духе? Что симпатично в поляках и чему хотелось бы подражать?
- У разных народов существуют разные стереотипы, у русских одни стереотипы по отношению к полякам, а, скажем, у американцев — другие. У американцев, например, поляк — символ плупости, тупости, вообще такого крестьянского, недалекого человека. В качестве примера можно привести Теннеси Уильямса: его Стенли Ковальский, поляк, — человек абсолютно животный, живущий инстинктами. Я как-то раз спросил одного американца, почему со Стенли Ковальским так случилось? Он сказал, что у них поляки — герои анекдотов. Вот так вот. А в России, во всяком случае в той среде, где я был, поляк воспринимался как символ рыцарственности, некоего романтизма, иногда даже безрассудного стремления бороться до конца. Взять хотя бы известный эпизод у Солженицына: когда была забастовка в Экибастузском лагере и некоторые бригады все-таки стали выходить на работу, то один поляк был этим страшно возмущен. И Солженицын пишет, что тогда он понял, что значат все их революции, восстания, вся их история. Вот польская гордость на примере одного челове-

Вообще-то русская литература к полякам относилась по-разному: если у Достоевского карикатурные образы поляков, то Толстой написал рассказ «За что?», где с такой симпатией вывел эпизод, когда жена польского революционера пытается вывезти мертвое тело своего мужа. Его мог бы поляк написать, настолько Толстой проникся чужой психологией и чужими проблемами. Это два полюса в русской литературе по отношению к полякам: полное вживание у Толстого и отчужденность и неприязнь у Достоевского.

- Если говорить о русской поэзии, можно ли говорить о какой-то особой теме Польши у Блока?
- Да, конечно, под влиянием поездки в Варшаву написана поэма «Возмездие». У него была своя концепция, что Варшава, Польша сыграет какую-то роль в судьбах России.
  - А если говорить о роли Польши для России? Какой ее можно представить? И вообще, можно ли говорить о польском опыте для России?

- Трудно: разные общества, разные традиции, очень много различий. Тот небольшой тоталитарный советский опыт, который был, не дает оснований для каких-то сопоставлений. Тут очень много другого: начиная, собственно говоря, с католичества, с религии и отношения к религии слишком много разного. Поэтому я не знаю, насколько польский опыт для России пригоден.
  - А если говорить о вашем личном опыте, то была ли какая-то эволюция, развитие отношений к Польше?
- Была некоторая. Я, честно говоря, не идеализирую поляков. Во всяком случае в их истории были эпизоды, которые, как говорится, их не украшают хотя бы то, что они не поддержали восстание в еврейском гетто в Варшаве, фактически обрекли гетто на гибель...
  - Традиционное представление о польском антисемитизме?
- Да. Я не был в Польше, я не знаю, насколько это там распространено, но мне говорили, что это там есть, было может, сейчас меньше, я не знаю.
  - Вы писали о Польше что-нибудь, кроме стихов о «Солидарности», которые уже забыли?
- У меня тема Польши действительно проходит в стихах, но возникла она, как ни странно, в связи с Чехословакией, в связи с вторжением советских войск в Прагу. Потом одно как-то наложилось на другое, и возникла у меня в 1973 г. поэма «Суворов». В поэме речь идет о событиях 1794 г., о взятии Суворовым Праги — предместья Варшавы. С Польшей у меня связаны и другие стихотворения. Небольшая поэма «Гайдамаки» об, условно говоря, украинско-польских взаимоотношениях и небольшое стихотворение «Брацлавское воеводство» — тоже на эту тему. Собственно говоря, через все три текста проходит тема насилия. В «Суворове» это государственное насилие, тема империи, которая захватывает не принадлежащие ей территории с имперским пафосом и мощью, причем сама фигура Суворова выглядит у меня несколько двойственно: с одной стороны, он как бы и герой, а с другой — душитель Польши. А в «Гайдамаках» — тема насилия, идущего снизу. Там взят эпизод из известной уманской резни: в Умани стоял гарнизон польских драгун, и гайдамаки, взяв город, вырезали весь этот гарнизон вместе с местными жителями. Это известный эпизод, он опи-

сан еще у Шевченко, у него я и взял этот сюжет. Но это скорее эстетически-живописное стихотворение.

- Почему именно эти сюжеты?
- Видите ли, именно в силу каких-то особых отношений России с Польшей. Всегда у нас с Польшей были особые отношения. Пушкин, когда писал на эту тему, как бы пытался уравновесить эти отношения и взаимные претензии. У него есть стихотворение «Графу Олизару», где он пишет:

И мы о камни падших стен Младенцев Праги избивали, Когда в кровавый прах топтали Красу Костюшкиных знамен.

Он хотел сказать, что и Польша, мол, завоевывала когда-то Россию. Но Польша завоевывала Россию давно, это как бы стерлось. А вот такие явные несправедливости по отношению к Польше, начиная со времен Екатерины — правда, не одна Екатерина принимала в этом участие, но и Пруссия, и Австрия, — они действительно накладывали иную степень ответственности. Впервые Россией было покорено самостоятельное государство, иное по своей культуре, тяготеющее к Западу. Это был самый болезненный момент. Как Ключевский говорил по этому поводу: «Расширилась славянская могила», — по-моему, он тоже осуждал этот захват, раздел Польши. Именно эта тема несправедливости возникала снова и снова, возникала уже в связи с другими событиями. Я говорю, что о Польше я стал думать, хотя толчок дала не Польша, а Чехословакия. Вот эти особые отношения и два восстания в XIX веке, к которым русские люди относились тоже по-разному: если Пушкин приветствовал подавление польского восстания 1831 г., то, когда речь идет о восстании 1863 г., Герцен и многие русские выступали явно на стороне поляков. Это сложный клубок взаимоотношений. Поскольку я по характеру своего творчества выбираю болезненные точки истории, меня привлекли эти противоречия. Сам я в Польше никогда не был, хотя хотел там побывать. Но всегда эта тема в моих исторических стихах присутствует.

Сергей Георгиевич Стратановский, 1944 г.р., работает в Российской национальной библиотеке библиографом, с 1979 г. соредактор самиздатского журнала «Диалог», в 1981-1991 гг. соредактор самиздатского журнала «Обводный канал».

Елена ШВАРЦ

ПЛАВАНИЕ

Я, Игнаций, Джозеф, Крыся и Маня В теплой рассохшейся лодке и слепительном плыли тумане,

Если Висла — залив, то по ней мы, наверно, и плыли, Были наги — не наги в клубах розовой пыли,

Видны друг другу едва, как мухи в граненом стакане,

Как виноградные косточки под виноградною кожей, —

Тело внутрь ушло, а души, как озими всхожи,

Были снаружи и спальным прозрачным мешком укрыли.

Куда же так медленно мы — как будто не плыли — а плыли?

Долго глядели мы все на скользившее мелкое дно.

— Джозеф, на лбу у тебя родимое, что ли, пятно?

Он мне ответил, и стало в глазах темно.

— Был я сторожем в церкви святой Флорианы,

А на лбу у меня — смертельная рана,

Выстрелил кто-то, наверное, спьяну.

Видишь, Крыся мерцает в шелке синем, лиловом,

Она сгорела вчера дома под Ченстоховом,

Nie ma już ciała, a boli mnie głowa.*

Вся она темная, теплая, как подгоревший каштан.

Was hat man dir du armes Kind getan?**

Что он сказал про меня — не то чтобы было ужасно —

Только не помню я что — понять я старалась напрасно —

Не царапнув сознанья — его ослепило,

Обезглазило — что же со мною там было?

Что бы там ни было — нет, не со мною то было.

Скрывшись привычно в подобии клетки,

Три канарейки — кузины и однолетки —

Отблеском пения тешились. Подстрелена метко,

Сгорбилась рядом со мной одноглазая белка.

Речка сияла, и было в ней плытко так, мелко.

Ах, возьму я сейчас канареек и белку,

Вброд перейду — что же вы, Джозеф и Крыся?

Берег — вон он — еще за туманом не скрылся.

Кажется только вода неподвижным свеченьем,

Страшно как током ударит теченье,

Тянет оно в одном направленьи,

И ты не думай о возвращеньи.

Белкина шкурка в растворе дубеет,

В урне твой пепел сохнет и млеет.

Что там? А здесь солнышко греет.

Ну а те, кого я любила,

Их — не увижу уж никогда?

— Что ты! Увидишь, И их с приливом

К нам сюда принесет вода.

And if forever*** то... muzyka brzmi,*** — из Штрауса обрывки.

Вода сгустилась вся и превратилась в сливки!

Но их не пьет никто, Ах, если бы ты мог

Вернуть горячий прежний гранатовый наш сок,

Который так долго кружился, который — всхлип, щелк —

Из сердца и в сердце — подкожный святой уголек.

Красная нитка строчила, сшивала творенье Твое!

О замысел один кровообращенья —

Прекрасен ты, как ангел мщенья.

Сколько лодок, сколько утлых кружится вокруг,

И в одной тебя я вижу, утонувший друг,

И котенок мой убитый — на плечо мне прыгнул вдруг,

Лапкой белой гладит щёку —

Вместе плыть не так далеко.

Будто скрипнули двери —

Вёсел в уключинах взлет,

Темную душу измерить

Спустился ангел, как лот...

1975

^{*} Уже нет тела, а голова болит (польск.)

^{**} Что сделали с тобой, бедное дитя? (Гете)

^{***} И если навсегда... (Байрон)

^{****} Музыка звучит (польск.)

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

ХОР ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА БЕЛОМОРКАНАЛЕ

(Из пьесы «Гидроартерия»)

Слушайте нас, это мы
Слушайте, слушайте нас
Мы из провала, из тьмы
из последней земли говорим

Мы – каналоармейцы, солдаты Гидроармии гибельной, спецщики прорв океанских Нового неба рабы

Это не мы – не рабы Вы не рабы, а не мы Рыбы немее рабы Мы, а в награду – гробы

Мы – бесплатное быдло Это мы на заре мироздания строили, мерли и строили Трупожилища в Египте, вавилонские лестницы в небо Ныне не строим для вас строим покорно для вас Гидроартерии, Левиафано-заводы Обще-чаше-жилища и в небо-ступни-жилища Обреченная масса, мы строим, а после - на дно Мы в истории - клякса. В анналах - мертвяко-пятно. Мы – дорога костей от Онего - до Белого моря Рыботракт государев, канал всенародного мора Смертопуть многотолпный, сцепка миров, не морей

с хладомором навеки ушедших

дворовые игры

Нынче военный совет у Великого Волка Виталика Славка пришел с томагавком Гришка с отцовым ножом Войско Волков Красношерстных готовится к завтрашней драке С войском Свинцовых Воронов с переулка воровки Раисы К бою готовы рогатки, полки и дохлые крысы Завтра заборы и лестницы будут забрызганы кровью Нам не нужны компромиссы с жалким вороньим отродьем Завтра в дворовом сраженьи мы победим, повторяя Имя Великого Волка

1079

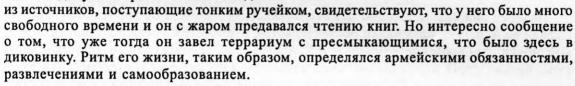
Рабомира живущих

история одной дружбы

Владимир Клавдиевич Арсеньев, известнейший исследователь природы российского Дальнего Востока, писатель, картограф и этнограф, прежде чем его имя вошло в историю исследования этого края, четыре года провел в Королестве Польском. Он окончил в Петербурге школу пехотных офицеров и в 1896 г. был направлен в Ломжу, небольшой губернский город на территории Королества Польского. Жизнь города делилась на два четко обособленных потока. Польский — был полон недоверия к российской администрации. Русский — характеризовался мерами по поддержанию порядка. Русская часть общества: чиновники, офицерский корпус с семьями, учителя, торговцы представляла собой довольно замкнутую среду, жившую в собственном ритме. У офицеров были свои клубы, в городе были православные храмы, множество казарм и учреждений, названия магазинов и учреждений писались по-русски. Много было военных.

Ломжинский период службы В.К.Арсеньева документирован слабо. Сведения

Самообразование занимало совершенно исключительное место в жизни Арсеньева. Известно, что, когда закончился срок его пребывания в Ломже, его перевели (1897) в 15-й саперный батальон, расквартированный в Повонзках — предместье Варшавы. Он пробыл там до 1900 г., пока по собственной просьбе не был переведен во Владивосток. Для его варшавского периода, как и для времени службы в Ломже, характерны два направления. Понятно, военное! А второе — возможно, еще более интенсивное, чем в Ломже, — самообразование. Арсеньев совершал природоведческие экскурсии к берегам Вислы и в окрестные леса. У него установились также связи с Зоологическим кабинетом Варшавского университета, а его интересы склонялись к

изучению пауков. В то время крупнейшим польским ученым в этой области был естествоиспытатель Владислав Тачановский, и не исключено, что они были знакомы.

Известно, что именно в Варшаве Арсеньев прочитал изданную в Петербурге в 1896 г. книгу Вацлава Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования». Таким образом, период военной службы В.К.Арсеньева в Королестве Польском стал руслом его природоведческой страсти. Люди, с которыми он встречался, книги, которые читал, польские ландшафты, которые видел, — все это положило начало его дальнейшей исследовательской деятельности и достижениям в области этнографии и естественных наук на Дальнем Востоке. Впрочем, он сам вспоминал об этом периоде, когда в 1914 г. встретился в Хабаровске с польским этнологом Станиславом Понятовским, который прибыл туда как представитель Смитсоновского института (США) для проведения этнографических и антропологических исследований аборигенов Приамурья. Отправляясь в такое путешествие, человек всегда проводит организационную подготовку, ищет контакты, запасается рекомендациями. С.Понятовский вез с собой рекомендацию от Льва Штернберга, известного в то время исследователя народов Дальнего Востока.

Что касается встречи С.Понятовского с В.К.Арсеньевым, то из записей в экспедиционном журнале, который вел польский ученый, следует, что впервые они встретились 3 июня 1914 г., после прибытия Понятовского в Хабаровск. В кратких дневниковых записях отмечено:

«Среда. 3/VI. В музее я застал Арсеньева. Щуплый, роста немного выше среднего, лет 40 (как он сам позже сказал). Лицо несколько суровое, но очень приятное. Мы разговорились, причем атмосфера сразу же установилась как между добрыми знакомыми. Арсеньев ведет меня по музею, объясняет, немного говорит о своих исследованиях. Музей располагает богатой коллекцией местных экспонатов. Он занимает отдельное трехэтажное здание, построенное одним из прежних генерал-губернаторов, Гродесковым [...] Есть небольшая картинная галерея в зале заседаний, отделы природы, этнографии и археологии. Последние — это главным образом результаты исследований Арсеньева».

Позднее они еще несколько раз встречались, беседовали об экспедиции, рассчитывали ее маршрут, обсуждали обстоятельства, с которыми придется столкнуться на местности. Хабаровские встречи с В.К.Арсеньевым, превосходным знатоком культуры приамурских народностей, замечательным картографом и выдающимся путешественником, помогли С.Понятовскому составить оптимальный план исследований. Благодаря Арсеньеву он также получил превосходных проводников для экспедиции.

Если же говорить об отношении В.К.Арсеньева к польскому ученому и роли, которую он сыграл при окончательной подготовки экспедиции, то, наверное, стоит напомнить, как он сам оценивал встречу с С.Понятовским. Сразу же по приезде С.Понятовского в Хабаровск, а как мы знаем, приехал он туда с рекомендательным письмом от Л. Штернберга, состоялась встреча обоих ученых. В одном из писем, которое Арсеньев отправил Л.Штернбергу сразу после этой встречи, он писал: «Был у меня с визитом рекомендованный Вами С.Понятовский. Мы свели близкое знакомство и провели антропологические измерения среди туземцев, а также сделали гипсовые отливки их лиц. Я был с ним вполне доброжелателен» [здесь и далее цитаты из Арсеньева

приводим в обратном переводе с польского]. А после отъезда Понятовского в экспедицию в следующем письме Арсеньев писал, что «пробыл он в Хабаровске довольно долго. Мы познакомились и провели вместе довольно много времени. Он научил меня делать гипсовые отливки с человеческих лиц. Сердечно благодарю Вас за то, что

Вы присылаете мне людей, столь сильно увлеченных антропологией и этнографией. От него я узнал много нового, что уже отражено в научной литературе, и пополнил свои знания».

Так проявилось доброжелательное отношение В.К.Арсеньева к гостю. И это нашло отражение в экспедиционном журнале С.Понятовского, который отмечал, что именно Арсеньев оказал ему помощь в подготовке экспедиции в поселки гольдов (нанайцев) и орочей на Амуре. Он давал советы, описывал отношение аборигенов к пришлому населению, объяснял, как избегать с ними конфликтов, помогал комплектовать снаряжение для экспедиции, организовывал проводников, одалживал карты и т.п. Интересны и те записи С.Понятовского, где отмечены рассказы В.К.Арсеньева о судьбе Дерсу Узала, гольда, который подружился с ученым. Дружба эта, заметим, была взаимной и сердечной. Есть запись о том, что 8 июня В.К.Арсеньев побывал у польского этнолога и долго рассказывал ему о своих экспедициях.

«Я внимал этим рассказам с огромным интересом, — вспоминал С.Понятовский. — Он рассказывал о старом гольде Дерсу Узала, который однажды ночью пришел голодный в его таежный лагерь и с тех пор несколько лет сопровождал его в экспедициях, разделял с ним опасности и не раз спасал ему жизнь».

Записанный Понятовским рассказ о гольде многослоен, и в нем все время ощутимо то уважение, с которым относится Арсеньев к туземцам, к их высокой этике, готовности помочь тем, кто нуждается в помощи. Во время разговоров с Арсеньевым Понятовский убедился, что тот всегда заботился о культуре аборигенов и ее защите от разрушительного влияния нравственно деградировавшей цивилизации.

На основании этих сведений можно сделать несомненный вывод, что о судьбе Дерсу Узала, сотоварища В.К.Арсеньева по его путешествиям, С.Понятовский узнал раньше, чем вышла книга «Дерсу Узала»*. Добавим, что Дерсу Узала погиб 13 марта

^{*} Акира Куросава сделал Дерсу Узала героем своего замечательного одноименного фильма.

1908 года. Описывая судьбу старого гольда, В. Арсеньев воздал особую дань уважения аборигенам, их этическим принципам и почтительному отношению к природе. Свое дружеское отношение к окружающей природе Дерсу Узала переносит и на людей. Этот человек по сути одинаково дружески относится и к природе, и к тем, кого он все чаще встречает в дикой таежной глуши, куда проникают белые люди — даже старается им помогать и не раз спасает от разных бед. Этот мотив часто присутствует в разных рассказах, описывающих процесс колонизации, в которых, как в насмешку, желтолицые или краснокожие туземцы, более примитивные, чем белые исследователи, отличаются открытостью, искренностью, готовностью подарить им свою дружбу и погибают от рук более цивилизованных пришельцев. Книга была переведена на польский язык и вышла в свет через восемь лет после смерти В.К.Арсеньева (Варшава, 1938). Не исключено, что именно С.Понятовский рекомендовал перевести ее и издать. Следующее издание на польском языке вышло в 1948 г., в 1951-м был издан польский перевод двух книг В.К.Арсеньева («По Уссурийскому краю» и «В горах Сихотэ-Алиня» в одном томе, а в 1960-м — переводы, озаглавленные «Сквозь тайгу» и «В тайге», которые пользовались большой популярностью у читателей.

Но вернемся к экспедиции С.Понятовского, который 16 июня 1914 г. отправился в край гольдов и орочей на Амуре. Он пробыл там до 8 августа. Начавшаяся І Мировая война заставила его прервать экспедицию и вернуться домой. В Хабаровске он снова встретился с В.К.Арсеньевым, который помог ему привести в порядок материалы экспедиции. Впрочем, оба они решили, что в 1915-1916 гг. вместе отправятся в очередную экспедицию. Увы, война разрушила их планы. Сегодня мы знаем, что Арсеньев продолжал переписку с польским этнологом. Он приглашал его приехать на Амур, рассказывал о своих исследованиях. Помощь, которую получил С.Понятовский от русского ученого во время экспедиции на берега Амура, была весьма существенной. В том, что этнографические и антропологические исследования С.Понятовского прошли успешно, есть и доля труда В.К.Арсеньева. Результаты этих исследований по сей день не опубликованы полностью. С.Понятовский погиб в 1944 г. в немецком концлагере. В последнее время предпринимаются попытки обработать результаты его этнографических исследований, в частности, в области культуры нанайцев и орочей, а также издать с комментариями рукописные журналы экспедиции. На этой основе установились дружеские контакты между Центром восточных исследований Вроцлавского университета и Хабаровским музеем. Можно надеяться, что на основе этого научного сотрудничества завяжутся столь же дружеские связи, как те, что объединяли выдающегося исследователя Дальнего Востока В.К.Арсеньева и польского этнолога С.Понятовского, малоизвестные в истории польско-российских научных связей.

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

«Любят ли поляки друг друга?» — под таким заглавием была напечатана в июльскоавгустовском номере парижской «Культуры» (2000, №7-8) статья Анджея Корашевского — попытка диагноза самочувствия поляков в ходе идущих уже десять лет социально-политических перемен. Автор, много лет проживший в эмиграции в Швеции, пишет:

«Сегодняшняя социология утратила интерес к социальным связям, но еще в 60-е годы и позднее многочисленные исследования обнаруживали, что поляки декларируют силу своих семейных связей и абстрактно понимаемый патриотизм. Напротив, то, что называют связями местными, профессиональными, религиозными или дружескими, было в их жизни малозначимым. В то время истолкование результатов этих исследований навязывалось само собой: виноват коммунизм с его сознательным и систематическим разрушением всех стихийных социальных связей.

Казалось бы, крах коммунизма должен был принести плоды в виде молниеносного восстановления местных связей и связей по профессии или по интересам. Судя по числу зарегистрированных в последние годы политических партий и всяческих объединений, так оно и случилось. Однако не требуется социологических исследований, чтобы заметить, что процесс восстановления социальных связей идет слабо. Похоже, что в общественных отношениях в Польше царят взаимное недоверие и внутренний антагонизм, куда более сильные, нежели в западных обществах. (...)

Нет ничего более скучного, чем «ночные беседы поляков» — иногда меняется предмет жалоб, но не тон. Нас объединяет недовольство всем на свете и отсутствие восторга перед чем бы то ни было. Любые положительные действия мы оставляем властям, притом с заведомой уверенностью, что власти с этим не справятся. Больше всего поражает, что такое же отношение передается молодому поколению, которое по природе своей должно было бы обладать готовностью легко вступать в дружеские отношения, создавать группы по интересам, выступать с инициативами и пытаться осуществлять их своими силами. (...)

Демократическое общество поддерживает достижение целей, важных для личности, посредством добровольных объединений. В таких объединениях люди связаны общей целью и уверенностью, что все участники группы так или иначе внутренне обогащаются. Но если лояльность участников группы оказывается под сомнением или если налицо очевидные признаки ее отсутствия, то в деятельности такого добровольного союза начинает господствовать взаимная подозрительность, приводящая к инерции, мнимым действиям, интригам с целью перехитрить друг друга и постоянным попыткам обеспечить выгоду отдельных личностей за счет других участников группы.

Трудно представить себе демократию в государстве без демократии на местах. Трудно представить себе демократию на местах без восстановления местной связи, основанной на добровольных объединениях. Однако здесь не заметно никакого оживления. Традиционные объединения типа прихода, спортивного клуба, добровольной пожарной охраны, кооператива или местного отделения политической партии выглядят увязшими в традиции, в которой не видно никаких перемен. (...) Патриархальная модель организации, иерархические структуры,

отсутствие непосредственности, страх выступить публично и, кроме разговоров за выпивкой, очень мало других форм общей жизни. (...)

Часть поляков сейчас тоскует не столько по коммунизму, сколько по социальной связи, которую создавало сопротивление этой системе. (...) Я не раз наблюдал отличную работу польских коллективов в чрезвычайных обстоятельствах и распад кратковременных связей сразу же после того, как опасность проходила. Высоконравственное поведение в военных условиях не переродилось у нас в мирных условиях в элементарную порядочность по отношению к соседу, а навязчиво провозглашаемый патриотизм, по-видимому, никак не связан с соблюдением законов или честностью в уплате налогов. (...)

Кажется, будто в сознании большинства жителей Польши общество — это какая-то неорганизованная магма, а государство — всего лишь территория плюс некоторое число населяющих эту территорию индивидуумов. При таком восприятии общества каждый в отдельности чувствует себя идеальным представителем всех вместе. В этом контексте споры, причина которых — различное истолкование фактов, недоразумение или обычная человеческая недобросовестность, сразу толкуются у нас политически».

Последствием этого, разумеется, становится рост довольно специфического национализма, опирающегося на абстрактный патриотизм, который лишен сильных социальных связей и «ведет к постоянным попыткам исключить из определения поляка любого инакомыслящего и вообще чем-нибудь нам не нравящегося. Антисемитизм и другие формы неприязни к чужим удивительным образом выглядят проявлением внутригрупповой агрессивности. Существует тенденция сужать категорию «истинных поляков» и совершенно произвольно оперировать понятиями «еврей» или «космополит». Воображаемая чужеродность соседа, по-видимому, в этом намного важнее какой бы то ни было действительной чуждости. С примитивными формами неприязни к «чужакам» согласуются более изысканные формы презрения к нижестоящим на социальной лестнице. Например, устойчивый элемент культуры части интеллигентских кругов — прямо-таки демонстративная неприязнь к сельским жителям».

Добавим, что это особенно любопытно, поскольку значительная часть этих интеллигентских кругов — в первом или во втором поколении выходцы из деревни.

В заключение Корашевский пишет:

«Дискуссии о патриотизме производят впечатление, будто перед нами, что ни день стоит задача строить государство с нуля. Модель польского патриотизма, по-видимому, опирается на дворянские традиции, ограничивавшие понятие нации одним слоем и исключавшие
львиную долю общества из категории граждан, и на куда более поздние народные традиции, в которых обещание включиться в защиту государственного бытия сплеталось с чаянием получить элементарные гражданские права. Буржуазная линия в польском государственном мышлении была необычайно слабой и вынужденно подтягивалась под дворянские
традиции, точнее говоря — под реформаторское течение, обладавшее ничтожной поддержкой дворянской братии. В результате перед нами сегодня постоянный ремонт отечества без
заботы о ремонте изгороди, ожидание идеального правительства при низком сознании того,
что качество правления в стране зависит от хорошей работы органов местного самоуправления, обостряющееся и ничуть не исчезающее недоверие внутри местной общины и к
каждому человеку, кроме самых близких. (...) Почему же межчеловеческие связи так редки и слабы? Мы можем только выдвинуть весьма шаткую гипотезу, согласно которой глав-

ный барьер — жалкое качество общения, неумение организовывать и проводить собрания, неумение дискутировать. Связь, основанная на общей цели, требует умения договориться. (...) У меня сложилось впечатление, что поляки ужасно не любят друг друга и что в настоящее время эта взаимная неприязнь скорее растет, чем уменьшается».

Впечатления Корашевского довольно близки к моим, а его диагноз следует признать верным. Кстати, этот диагноз подтверждают и наблюдения Казимежа Вуйцицкого, заключенные в статье «"Мы" и "они" в публичной жизни. Пять коротких заметок огорченного гражданина», которая была напечатана в 9-м, сентябрьском номере варшавского журнала «Вензь» («Связь»). Автор пишет:

«Польская политическая жизнь страдает тяжелой шизофренией. (...) Я убежден, что истоки этой шизофрении не столько связаны с самим шизофреническим расколом, сколько заложены в просчетах исторического сознания. (...) Никакого серьезного подведения итогов истории ПНР проведено не было — якобы во имя общественного спокойствия, чтобы не разжигать лишних конфликтов. Результат, похоже, оказался совершенно противоположным. Десять лет спустя после восстановления независимости деление на «солидарников» и «коммуняк», проводимое явно или подспудно, остается в умах и в политике самым главным. Следствия этого горестны для всей страны и ее политической культуры. Прежде всего был унижен символ «Солидарности» — в прошлом символ польской независимости, ознаменовавший великий вклад в «осень народов» 1989 года. Этот символ присвоили несколько провинциальных политиков, о которых в 80-е годы никто и не слышал. Вместо того, чтобы стать символом для всех, в том числе и для левых, лечь краеугольным камнем возрождающейся польской демократии — ибо «Солидарность» была великим гражданским движением, — он окарикатурился, и иногда лучше не быть причастным к тому, что сейчас за ним скрывается. Знамя разодрали на партийные флажки. (...) Честно говоря, всем политическим партиям в Польше следовало бы самораспуститься, чтобы можно было заново создать партийную систему, согласующуюся со здравым рассудком. (...)

Если демократия хочет работать, она должна быть доступна и понятна гражданам. Сегодня это не так. Это откровенно подтверждает та легкость, с какой электорат ИДС [«Избирательного действия Солидарность»] переходит на сторону СЛДС [«Союза левых демократических сил», наследника ПОРП]. Свыше 40% граждан вообще не принимают участия в выборах, и никого в Польше это не волнует. Не производится никаких попыток беспристрастно побудить граждан интересоваться политикой как делом не партийным, а публичным. Никаких попыток создать систему современного политического образования в виде публичных дискуссий, предоставления простым людям возможности высказаться по важным для всех делам. Недостает беспристрастного политического комментария, пишущегося от имени граждан, а не с позиций той ли иной политической группировки. (...)

Польская политическая культура может улучшиться только тогда, когда мы распрощаемся с антагонистическим делением «мы — они», идущим со времен, предшествовавших 1989 году. Сделать это невозможно, если мы забудем о новейшей истории нашей страны. (...)

Мои опасения относятся и к тому, что подспудно нарастает новое деление на «мы — они», деление на богатых, самодовольных и преуспевших и все быстрее растущую группу бедных и лишенных надежды. После 1989 г. надежда была у всех, даже у тех, кто проигрывал в результате реформ. Сегодня положение ухудшается. (...) Деление на бед-

ных «нас» и богатых «их» может становиться тем опаснее, чем сильнее будет представлена псевдолиберальная идеология, гласящая, что бедные — это те, кто не преуспел по своей вине, а богатые — это те «великолепные» с деньгами, заслужившие их своей предприимчивостью. Насколько же это расходится со всеобщим убеждением, согласно которому деньги накапливаются воровством, коррупцией и всяческими иными нечестными методами. (...)

Политическая жизнь, разумеется, не может обойтись без различных делений на «мы — они». Самая суть политических партий в том, что моя партия — это «мы», а конкурирующая с моей — «они». Вопрос в том, насколько далеко заходит это деление и есть ли у поделенных на партии какая-то общая плоскость, где они могут встретиться как поляки, граждане, демократы. Наличие такого пространства, ощущение «общего двора» является решающим для политической культуры любой страны. Это пространство связано с политикой, но форму его определяют культура и духовность данной страны в целом. Все политики понимают, что это общее пространство надо беречь, а не разрушать».

Все ли? Наблюдая польскую публичную жизнь, в этом можно усомниться.

Кстати говоря, нет полной уверенности в том, что демократия — та, туманные очертания которой с 1989 г. начинают выплывать из коммунистического месива, — это наилучшее решение. В конце концов и Черчилль, говоря о демократии, заметил, что она полна несовершенств, а вопрос только в том, что ничего лучшего не выдумано. Трудно стопроцентно установить, в самом ли деле ничего не выдумано. Например, в польских традициях есть течение, замеченное и описанное в прошлом веке выдающимся немецким историком Фердинандом Грегоровиусом в работе «Идея польского духа» (в 1991 г. она была переведена и напечатана в ежеквартальном журнале «Боруссия»), — течение, называемое республиканством. Этой традиции был верен скончавшийся несколько лет назад генерал Юзеф Куропеска, ветеран польско-советской войны 1920 г. После Второй Мировой войны - офицер армии ПНР, а позднее — узник польского коммунистического режима. Прекрасные воспоминания о нем написал Михал Комар, сын его друга генерала Вацлава Комара, который, кстати, едва освободившись из тюрьмы, организовал в октябре 1956 г. оборону Варшавы от надвигавшихся советских войск. В эссе «Орден императрицы Терезии» («Газета выборча», №189), он приводит высказывание Куропески, заслуживающее особого внимания в контексте ведущихся дискуссий:

«В противоположность демократии, которая до того самодовольна, что малообразованные родители желают иметь решающий голос в составлении учебных программ школ, где учатся их дети, республика, будучи политическим выражением заботы о целом, не может отказаться от авторитета, опирающегося на силу. Республика — это забота! Дело состоит в умелом, избавленном от идеологического налета определении отношений между целью и средствами. Для этого необходимы: хорошая образованность руководящих слоев, их трезвое отношение к собственному опыту и равно трезвый взгляд на достижения соседей».

Что же, уже первое из этих условий оставляет сегодня желать лучшего. Одно за другим правительства Третьей Речи Посполитой, хотя в них было немало профессоров, предназначают на образование и развитие науки ничтожно малые средства. Думаю, что одно это указывает главные причины нарастающего и обостряющегося, хоть пока малозаметного, политического кризиса, о котором говорят приведенные в этом обзоре высказывания.

Янина Куманецкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

- Обнародован список семи кандидатов на главную польскую литературную премию «Нике». В него входят три сборника стихотворений: «Мать уходит» Тадеуша Ружевича, где поэт использует технику коллажа и, прощаясь с матерью по прошествии многих лет, ставит основополагающие вопросы о жизни, смерти и поэзии; первый после долгого перерыва сборник стихов Ярослава Марека Рымкевича «Знак неясный, песнь полуживая» и «Жажда» Адама Загаевского — поэта, противостоящего унификации массовой культуры и постмодернизму. Эссеистика представлена книгой Рышарда Пшибыльского «Разгулявшийся конь. Эссе о мысли Юлиуша Словацкого», где замечательный литературовед прежде всего занимается религиозной мыслью польского романтика, и работой Кристины Косинской «Тело, похоть, одежда», с феминистических позиций рассматривающей прозу Габриэли Запольской, которая известна главным образом своими «иконоборческими» драмами (самая знаменитая — «Мораль пани Дульской»). Еще две книги — автобиографические: «Неутолимые вещи» Анджея Чтибора-Петровского, повесть о детстве в сибирском изгнании, пронизанная картинами эротической инициации, и «Школа безбожников» Вильгельма Дихтера, молодого героя которой, поначалу соблазненного коммунистической идеологией, спасает от нее любовь. В этом году в списке кандидатов на «Нике» нет «классической» прозы, не оказалось в нем и молодежи. К счастью, старые мастера пребывают в отличной форме.
- ◆ Рышард Капустинский стал лауреатом трех итальянских литературных премий, в том числе одной из самых главных — «Premio Internazionale Viareggio Versilia».
- В августе исполнилось сто лет со дня рождения Яна Бжехвы (†1966), замечательного детского поэта и сказочника, почти полвека формирующего фантазию польских детей. Его детские стихи широко переводились на русский язык.

- ♠ На 85-м году жизни скончался в Варшаве писатель Войцех Жукровский, много переводившийся на русский язык в коммунистические времена.
- № Через десять лет после первой публикации вышла по-польски книги Ицхака Цукермана «Излишек памяти. (Семь тех лет). Воспоминания. 1939-1946)». Автор был активистом сионистского движения, во время войны заместителем начальника Еврейской боевой организации в варшавском гетто. «Чтение этих воспоминаний, пишет в «Политике» историк Веслав Владыка, оставляет волнующее ощущение того, что автор прежде всего стремится свидетельствовать об истине такой, как он ее помнит... Это, должно быть, и есть истина о прошлом, обращенная в будущее».
- Профессор польского языка и литературы Стокгольмского университета Леонард Нойгер готовит учебник польской литературы для иностранцев. В интервью «Газете выборчей» он, в частности, сказал: «Существующие учебники истории литературы прекрасны, однако у них есть один недостаток: они предполагают фундамент знания литературы. Мои студенты мало читали, поэтому я должен искать другой подход... Какой другой опыт может быть для них существенным? Ответ, думаю, лежит в опыте сегодняш-

ней Европы... которая напоминает калейдоскоп... обладает изменчивыми очертаниями, формируется, рассыпается и снова формируется». И дальше: «Я не хочу аннексировать Зингера. Однако, читая его книги, я констатирую, что мы встречаемся на одних и тех же улицах. Этим я хочу сказать, что в Польше, понимаемой как территориально, так и культурно, существовала, например, и еврейская культура. Разноязычные группы были своего рода взаимонепроницаемыми гетто, и нет оснований призывать их проникнуть друг в друга».

- Варшавский национальный музей приглашает на выставку «111 шедевров Национального музея». В нее входят произведения, созданные на протяжении четырех тысяч лет — от Древнего Египта до новейших времен. Рядом с экспонатами, постоянно выставленными в музее, находятся произведения из запасников.
- В Привислинском музее в Казимеже-Дольном выставлены рисунки Анджея Чечота, замечательного сатирика-насмешника, ныне постоянно живущего в Нью-Йорке. Одновременно с ней в другой галерее Казимежа прошла выставка рисунков его сына Рафала Чечота.
- В заключение выставки «Серое в цвете. 1956-1970» варшавская галерея «Захента» организовала «финисаж» («вернисаж закрытия»), который имел такой же успех, как и сама выставка.
- В варшавском Доме художника прошла выставка «Искусство волокна-2000», доказавшая, что польские художественные ткани так же интересны, как и тогда, когда первые премии в мире получала Магдалена Абаканович. В ДХ были показаны традиционные гобелены, изысканные шелковые занавеси и даже книги или блюда, сотканные из разных волокон.
- 14 художников из разных стран мира приняли участие в проекте «Artists on location — Artists in motion», или «Движение и неподвижность» под покровительством варшавского Центра современного искусства в Уяздовском замке. Результаты работы художников были показаны в галерее «Лаборатория».
- Янина Охойская, возглавляющая «Польское гуманитарное действие», и русский правозащитник Сергей Ковалев открыли в Гданьске фотовыставку «Отнятый дом». На ней экспониру-

ются фотографии, показывающие пережитое польским и немецким населением Гданьска во время и после войны. На выставке представлены также фотографии, свидетельствующие о трагедии беженцев из Боснии и Косово.

- ◆ В Сопоте прошел 37-й Международный фестиваль эстрадной песни. Первый из трех дней фестиваля был посвящен фольклорной музыке, второй итальянским мелодиям, а на третий день выступили такие звезды, как группа «Техас» и Брайан Адамс. Выступила также прибывшая как почетный гость фестиваля Хелена Вондрачкова. Выступление в Сопоте остается лучшей рекламой на польском пластиночном рынке.
- На Рыночной площади Старого города в Варшаве состоялся концерт, рекламирующий новую пластинку джазового пианиста и композитора Влодзимежа Нагорного — «Польская фантазия», где он исполняет джазовые аранжировки сочинений Шопена. С той же программой Нагорный едет осенью в Киев, Будапешт, Прагу, Эдинбург и Франкфурт-на-Майне.
- В этом году вроцлавский международный фестиваль хорового искусства «Vratislavia Cantans» был посвящен прежде всего творчеству Баха, а также музыке его современников — композиторов, вдохновлявшихся его творчеством. Состоялась первое исполнение кантаты Миколая Гурецкого «Salve Sidus Polonorum».
- В честь тысячелетия Вроцлава на Рыночной площади дал концерт всемирно известный испанский тенор Пласидо Доминго.
- В Ярославе закончился Международный фестиваль старинной музыки, на котором выступили ансамбли из Польши, России, Эстонии, Германии, Бельгии, Италии и с Корсики (Франция).
- 80 лет исполнилось Стефану Стулигрошу, одному из создателей и бессменному на протяжении 55 лет дирижеру мужского хора и хора мальчиков «Познанские соловьи». В связи с этим в Познани состоялся торжественный концерт, на котором присутствовали многие артисты и бывшие члены ансамбля, ныне рассеянные по всему миру и продолжающие работать в разных странах.

- ◆ Свое 75-летие отпраздновал «Оркестр с Хмельной» — уличный хор и оркестр, выступающий с варшавскими фольклорными песнями. Его можно было встретить на улицах столицы, главным образом именно в центре города, на Хмельной улице. Сегодня музыканты все чаще выступают в подземных переходах под пл. Дмовского, возле перехода на станцию метро «Центр».
- В августе исполнилось 25 лет со дня гибели в авиакатастрофе выдающегося польского режиссера Конрада Свинарского. Его самыми знаменитыми спектаклями были поставленные в краковском Старом театре«Дзяды» Мицкевича и «Освобождение» Выспянского.
- «Запах губной помады» уже вторая книга видной театральной актрисы Зофьи Куцувны. Как и первая, «Остановить время», она пользуется огромной популярностью среди читателей. Актриса-автор сказала: «Совершенно не подумав, я устроила себе этой книгой юбилей: в этом году исполняется 45 лет моего актерского труда».
- ◆ Новый сезон в польских театрах обещает быть очень интересным. Независимо от интересных репертуарных планов (о которых мы будем сообщать по ходу дела), отметим, что новые пьесы по заказам театров пишут Томаш Лубенский, Павел Хюлле, Станислав Тым и Ингмар Вилькист. А краковский Старый театр объявил премьеру «Достопочтенных» Славомира Мрожека — первую польскую премьеру Мрожека после его возвращения на родину.
- ◆ На польские сцены все чаще (и все быстрее) попадают самые знаменитые в мире мюзиклы. После «Питера Пэна» премьеру «Мисс Сайгон» готовит театр «Рома». Начались репетиции «Собора Парижской Богоматери» спектакля совместного польско-французско-канадского производства.
- № 18 августа 1925 г. тогдашний министр промышленности и торговли подписал концессию на трансляцию в Польше радиопередач. Акционерное общество «Польское радио» стало государственным. В этом году Польское радио отмечало свое 75-летие. По случаю юбилея на радио прошли «дни открытых дверей» — слушатели могли увидеть «кухню» его работы. В студии им. Агнешки Осецкой

- состоялся концерт песен Владислава Шпильмана, много лет связанного с Польским радио; в концерте выступили популярные сегодня исполнители легкой музыки.
- В студии Польского радио им. Витольда Лютославского прошел концерт выдающейся певицы Эвы Подлесь с оркестром «Concerto Polacco» и актрисы Анны Сенюк. Этим был отмечен «развод» культурно-образовательной программы «Бис» и 2-й культурной программы: на протяжении последних трех лет они были вынуждены делить одни и те же частоты.
- Режиссер Лешек Восевич приступил к съемкам телесериала «Переезд» по сценарию Цезария Харасимовича. Время действия сериала 1901-2000 гг. «Переезд» повествует о важнейших событиях истории Польши, рассматриваемых сквозь призму истории фирмы по перевозке мебели.
- С согласия российской стороны Польское телевидение вело трансляцию открытия польского военного кладбища в Медном, где покоятся останки около 6300 жертв НКВД, интернированных советскими властями в 1939 г. и убитых весной 1940-го.
- После польской премьеры кинофильма Кшиштофа Занусси «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем» критик «Газеты выборчей» Тадеуш Соболевский написал: «Этот фильм Занусси сделал как бы по заказу всех тех, кто в последние годы упрекал его в том, что он сошел с прежнего пути и вместо кино вопросов создает кино риторических ответов. ...этот фильм живет. Занусси поставил в нем важный вопрос: можно ли одним махом преодолеть отставание, накопившееся за всю жизнь? Может ли вера обойтись без религии?» Тот же критик — о «Большом звере» Ежи Стура: «Очарование «Большого зверя» создают прежде всего оттенки. Фильм о необходимости бескорыстия выделяется демонстративно немодной формой, идущей против течения популярного кино с его потребностью в неустанном действии, с апологией хамства. Стур показывает, что существует потребность в ином кино, более того, - в иной жизни, нежели та, которая нас окружает». Вышел на экраны также кинофильм Тересы Котлярчик «Примас», поставленный по

мотивам «Тюремных записок» кардинала Вышинского, примаса Польши, — он писал их в 1953-1955 гг., будучи интернированным в Команче. Главную роль сыграл Анджей Северин, автор сценария — Ян Пужицкий. «При всем уважении к фактам, — говорит в интервью газете «Жиче» Тереса Котлярчик, — я не хочу ими ограничиваться. Этот фильм — не биография и не моралите. Я не мыслю его и в категориях национальных, идейных или исторических. Это — рассказ о пути духовного развития».

- Все три вышеупомянутых фильма вошли в программу ежегодного Фестиваля польских художественных кинофильмов в Гдыне. В этом году главное место на нем предоставлено фильмам по современной тематике. В числе 27 фильмов фестиваля — шесть дебютов.
- Владислав Пасиковский, постановщик таких фильмов как «Псы» и «Операция «Самум»», приступил к съемкам фильма «Рейх», действие которого происходит в мафиозных кругах, среди польских и немецких угонщиков автомобилей. Главные роди исполняют Богуслав Линда и Мирослав Бака.
- Идет работа по экранизации цикла фантастических рассказов Анджея Сапковского о Ведьмине. Это будет первый польский фильм в жанре «фэнтези», снятый с таким размахом. Главную роль играет Михал Жебровский, герой «Пана Тадеуша» и «Огнем и мечом». В роли ведьмы Йеннефер выступит Гражина Волщак, а барда Яскра сыграет Збигнев Замаховский. Режиссер — Марек Бродский, музыка Гжегожа Цеховского. Параллельно кинофильму будет сделан также телесериал в 12 частях. Анджей Сапковский — один из самых популярных польских писателей 90-х годов, его книги выходят огромными тиражами. Их поклонники уже сегодня опасаются, будет ли герой фильма соответствовать их представлению о нем. А создатели фильма предупреждают, что их Ведьмин отнюдь не будет тождественным герою книг.
- Ф Познанские историки Малгожата и Марек Хендрковские обнаружили в парижском архиве ленту первого польского кинофильма. Это документальный фильм, слегка приправленный художественной фабулой. Называется он «Прусская культура» и снят в 1908 году. В нем показаны два

эпизода из истории Великой Польши под властью Пруссии. Исключительно важно, что этот необычайный фильм сохранился целиком.

- Появился первый в истории букварь кашубского языка, предназначенный для учеников 1-3 классов школ с обучением кашубскому.
- В Белостоке собрались цыганские журналисты и журналисты, занимающиеся цыганской проблематикой, из Польши, Чехии, Сербии, Македонии, Франции и с Украины, чтобы обсудить роль СМИ в интеграции Европы. Отношение к национальным меньшинствам в СМИ может способствовать росту расизма или наоборот вот заключительный вывод этой встречи.
- № 15-17 сентября в Люблине проходил Конгресс христианской культуры, на этот раз посвященный теме «Сакральное и культура». О проведении конгресса юбилейного года архиепископ Юзеф Житинский объявил еще три года назад. «Мы исходим, сказал он, из подхода Папы к отношениям между культурой и человеком. Человек развивается и существует через культуру, от стиля нашей культуры зависит развитие нашей человечности. Мы хотим видеть ценности, которые должны объединять всех и христиан, и неверующих». В конгрессе приняли участие кардиналы Влк из Праги и Пупар из Франции, а также архиепископ Кондрусевич из Москвы.
- Ф Большое зрелище на пленэре приготовил центр «Городские ворота театр NN». Поздно вечером 16 сентября поляки и евреи выстроились в варшавском Старом городе в живой коридор, где встретились праведные среди народов мира и спасшиеся от Катастрофы. Землю с того места, где до войны стояла синагога, взял раввин Михаэль Шудрих, а оттуда, где стоял приходский костел, архиепископ Юзеф Житинский. Смешав эту землю, на ней посадили виноградную лозу.
- «Пути к свободе» так называлась выставка на территории Гданьской судоверфи, отметившая двадцатую годовщину забастовок 1980 г. и создания «Солидарности».

¹ Западный регион Польши с центром в Познани— Ред.

Лешек Колаковский

O BAPBAPCTBE

беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

— Варвар — существо, регулярно, на протяжении всей истории возникавшее на окраинах Европы. Кто его открыл и назвал таким образом?

— Следовало бы заглянуть в словарь греческого языка и проверить. А впрочем, неважно, кто его так назвал, — важно, что так обозначили, как утверждают филологи, говорящего на непонятном языке, бормочущего неизвестно что. Кого угодно иного — говорящего не по-гречески. Так что поначалу имелось в виду не то, что это

Лешек Колаковский родился в 1927 в Радоме. Философ, историк философии, прозаик, эссеист. Автор фундаментальной критической работы «Основные течения марксизма», книг о философии Гуссерля, Бергсона, Паскаля и других исследований. В течение последних десятилетий в центре его интересов находится философия религии («Если Бог не существует...», «Horror metaphysicus») и философия культуры («Может ли дьявол быть спасен и 27 других проповедей», «Цивилизация на скамье подсудимых»). В 1968 Колаковского уволили из Варшавского университета, запретили его публикации, и он уехал за границу. Жил в Канаде, США, в настоящее время – в Англии. С 1970 — член совета колледжа Всех Святых в Оксфорде, где живет до сегодняшнего дня. Недавно вышла его книга «Религиозное сознание и церковные узы».

люди менее цивилизованные, а просто люди другой цивилизации. Это определение еще не имело уничижительного оттенка, но быстро его приобрело.

Отсюда вытекает ключевой вопрос: можно ли сказать, что одни цивилизации лучше других, и какой смысл мы в эти слова вкладываем.

— Подобное разделение на своих и варваров — видимо, не специфически европейская черта?

— Известно, что с очень давних пор его использовали китайцы. Мы сами часто воспринимаем ту или иную культуру как иную, если знаки ее нам непонятны, обычаи — неизвестны, склад ума — чужд, но, заметим, далеко не всегда называем это варварством. Мы не утверждаем, что японцы — варвары, хотя в Японии европеец очень остро ощущает непостижимость законов их мира, даже если японская наука и технология подобны

нашим. Мне приходилось читать работы японских философов — конечно, в английских переводах, — и хотя я ощущал, что их авторы стремятся чтото сказать, но не знал — что.

— В современной культуре, основанной на принципе терпимости, мы боимся употреблять слово «варвар». Но все же кого можно так назвать?

— Проанализируем сначала, в каком контексте мы имеем право воспользоваться словом «варвар». Имеем ли мы право утверждать, что та или иная культура лучше других?

В одном круге была создана Библия, в другом — Ригведа и Упанишады, но многие цивилизации не породили ничего подобного. Можно возразить: видимо, они в этом не нуждались и свои духовные

потребности удовлетворяли иначе. Казалось бы, верно, но мы отчетливо ощущаем, что Библия или Упанишады — достижения огромной важности, они до сих пор живы, и мы до сих пор к ним обращаемся. Поэтому нам трудно согласиться с тем, что цивилизации, в которых письменность вообще не возникла, ничуть не хуже. В каком смысле они могут быть не хуже? Пожалуй, только в том, что люди выработали там другие способы общения и на этом остановились. Но мы все же не в силах признать, что это то же самое.

Я когда-то написал — отчасти для себя самого — эссе о европоцентризме, озаглавленное «В поисках варвара». В нем я защищал так называемый европоцентризм, видя особое превосходство европейской цивилизации в том, что она в состоянии, и уже с давних пор, взглянуть на себя самое

критически. Она умеет поставить себя на чужое место — хотя бы сделать такую попытку — и посмотреть на себя со стороны. Умеет сохранить скептическую дистанцию.

— Получается, что есть два рода варварства. Один возникает на стыке двух цивилизаций, а другой — внутри цивилизации. Из вашего определения можно сделать вывод, что сегодняшний варвар — это тот, кто оспаривает наше право задаваться вопросами.

 Видимо, да. С XVI века мы сталкиваемся в европейской культуре с попытками взглянуть на себя со стороны. Это есть у Монтеня или у епископа Бартоломео де лас Касаса, осуждавшего европейцев за их жестокое обращение с южноамериканскими индейцами. Еще один хороший пример — «Путешествия Гулливера» Свифта; мы прекрасно помним этих лошадей, которые взирают на людей с жалостью и презрением. А у Вольтера оказавшийся на Земле пришелец с Сириуса поражается нашим глупостям. Возьмем исторически значимое событие, многие века вдохновлявшее писателей-романтиков: Мицкевича, Гейне, Шатобриана, — падение Гранады. В их творчестве есть сочувствие сарацинам и даже принятие, как у Мицкевича, их точки зрения. Меня интересовало, встречается ли подобный подход в арабской культуре. Я плохо разбираюсь в арабских проблемах, поэтому задал этот вопрос одному из лучших в мире

знатоков арабской культуры и литературы. Он заверил меня, что нет, не встречается.

В конце концов, в Европе сформировалась антропология, представляющая собой научную попытку непредвзято рассмотреть самые различные цивилизации, исходя из их равенства.

- Связано ли возникновение этой чисто европейской черты с рождением концепции свободы, индивидуализма Нового времени?
- Возможно. Внутри культуры все достаточно сложно взаимообусловлено, поэтому очень трудно указать одну какую-то причину. Как бы то ни было, сегодня мы задаемся вопросом: где заканчивается или где начинается европейская культура? Относится ли к ней Южная Америка, относится ли к ней Россия? Если говорить о корнях разумеется. Но ведь там сложились другие обычаи, стереотипы, символы, и мы совсем не обязаны называть их варварством. В наш век варварством хочется назвать прежде всего тоталитарные режимы, которые породила именно Европа.
  - Часто задают вопрос: породила ли она их вопреки своей природе? О свободе мы спросили, потому что, как нам кажется, критерий, которым мы сегодня руководствуемся, различая европейское и неевропейское, это отношение других цивилизаций к личности. Дают ли они ей право на свободу и достоинство?
- Не знаю, что европейского в смысле культуры в тоталитарных режимах, но они и в самом деле выросли из европейского наследия. Правда, история древнего Китая знала такие системы власти, которые можно назвать тоталитарными, но в старину техника насилия не могла быть до такой степени развита. Тоталитаризм был попыткой свести роль человека к легко заменимому винтику в общественном организме. Личность сама по себе не имела никакой ценности. В коммунистическом Китае огромный упор — даже больший, чем в СССР, — делался на уничтожение семьи как института, не поддающегося национализации. Точно так же не было политических партий, профсоюзов, независимой литературы, искусства, наконец, самое главное, частной собственности и т.д. Все под контролем государства. Это была, разумеется, кошмарная идея. Казалось бы, так противоречащая истории европейской

культуры, но, видимо, не так уж противоречащая, раз возникла она именно здесь.

- Не есть ли умение взглянуть на себя в новом ракурсе показателем слабости, непрочной связи с ощущением собственного «я»?
- Несомненно. Но достоинств у такого взгляда больше, чем недостатков. Мне как раз вспомнились слова Бергсона о том, что в биологической эволюции виды, нацеленные главным образом на формирование защитных панцирей, утрачивают способность к развитию, мобильность и проигрывают в процессе эволюции тем, которые, всячески рискуя, предпочитают гибкость и эластичность. Именно они и выигрывают в ходе эволюции.
  - Эта гибкость, вероятно, имеет свои границы?
- Границы есть, но определить их заранее мы не в силах. Поэтому, пусть это и симптом недостаточно развитого ощущения своего собственного облика и укорененности в своих символах, этот европейский обычай все же оказывает нам добрую услугу.

К чему привел отказ от этой точки зрения? Ведь и христианство не свободно от тоталитарных искушений. Христианство никогда не доводило их до крайней формы, но наша Европа не раз использовала насилие и гонения в решении религиозных дел. Хотя одновременно я вспоминаю слова Ясперса: «Если бы мне пришлось выбирать между тоталитаризмом коммунистическим и католическим, я все же выберу католический, потому что христианство уходит корнями в Библию, а Библия одновременно является прародительницей европейской культуры». Поэтому даже при таком сложном построении наша цивилизация не утратила бы преемственности.

- Значит, имеет смысл рискнуть и сопоставить себя с другими. Что европейская цивилизация приобретает, широко открывая свои двери?
- Долго перечислять. В нашем мире множество предметов и идей, заимствованных у евреев, персов, арабов, часто у цивилизаций уже рухнувших.
  - Сегодня в моде картина будущего, в которой появляется новый очаг конфликтов война цивилизаций. Если мы посмотрим сегодня на земной шар, то увидим, что

это лишь на первый взгляд борьба наций. На самом деле это борьба религий и цивилизаций. Не азербайджанцы с армянами, не хорваты с сербами, не разные племена в Судане — борются христиане и мусульмане. Везде существуют границы, о которых европейцу хотелось бы забыть, ибо ему кажется, будто весь мир окружен скорлупой западной цивилизации. Но война цивилизаций продолжается.

- Продолжается. Хотя это не всегда кровавая война. Пойдет ли в дальнейшем развитие мира под знаком резких столкновений цивилизаций не знаю. Все мы ощущаем свою принадлежность к определенной цивилизационной нише и мало знаем об исламе, а больше всего нас поражают именно всяческие новые формы исламского варварства. Но ислам имеет разные виды и обличья. Не все мусульмане террористы. Однако слышим мы о них главным образом тогда, когда начинается какая-нибудь жуткая резня в Алжире или гонения в Афганистане. Хотелось бы, чтобы это не предвещало войны цивилизаций, но исключить такую возможность трудно.
  - Следует ли из сказанного вами, что в европейской открытости есть доля лицемерия? С одной стороны, мы открыты навстречу другим цивилизациям, но в глубине души думаем: а все-таки они варвары.
- Во всяком случае мы легко делаем такой вывод. Конечно, это зависит от того, о чем идет речь. В искусстве, например, мы очень терпимы, ибо чем нам мешает искусство, в котором царят совершенно другие каноны?..
  - Нам кажется, что мы его понимаем?
- Нам так кажется. В нашем-то искусстве уже вообще нет никаких канонов. В Европе все пошло к черту. Искусством сегодня называется все что угодно достаточно пойти в лондонскую Галерею Тейт и поглядеть на эти чудачества, претендующие называться искусством. В определенном возрасте человек уже не в состоянии усвоить и оценить вещи, кардинально отличающиеся от тех, которые нравились ему в молодости.

Терпимость по отношению к другим культурам порой выражается в неприемлемых формах скепсиса или релятивизма. Говорят: у них тоже свои ценности. Но что значит: у них свои ценности? Нам не нравятся концлагеря, а во Вьетнаме

или Китае их любят? Что-то не верится. Об идее прав человека китайцы или люди других цивилизаций говорят: это всё европейские штучки, а у нас своя жизнь...

— Говорят даже об империализме прав человека.

- Это, разумеется, ерунда. Если что-то и следует распространить по всему земному шару, то как раз идею прав человека, не являющуюся политической идеологией. Она не предлагает нам никаких форм государственного и общественного устройства, это всего лишь скромный по содержанию, короткий список требований. Короткий, но достаточный, чтобы защищать людей от произвола и насилия государства.
  - Упомянув о своем визите в Галерею Тейт, вы навели нас на след внутреннего, европейского варварства. Вам не кажется, что в Европе сегодня существует мода на варварство, объясняющаяся тем, что мы стесняемся цивилизации? Молодость, дикость более привлекательны для современного европейца, чем анахронические, стыдливые, отжившие критерии.
- Это верно, такая тенденция в нашей цивилизации существует. Считается, что либеральная цивилизация ужасно неудобна, а мы все ее мученики, ведь нас заставляют учиться читать и писать или же овладевать правилами хорошего тона. В Америке раздаются голоса, призывающие отменить курс западной цивилизации, ибо все цивилизации равны. Вместо того чтобы читать Шекспира, можно любоваться копьями австралийских аборигенов. В этом есть некий соблазн дикости. У молодежи сегодня потребность освободиться от корсета цивилизации сильнее чем когда бы то ни было и это опасно. Мы были свидетелями весьма опасных симптомов этого явления в конце 60-х.
  - Это и есть доведенная до абсурда способность подвергать себя самих сомнению?
- В этой способности есть нечто весьма для нас важное и необходимое, но, конечно, все можно довести до абсурда и варварства, в том числе и это.
  - Наша цивилизация легко впитывает и усваивает любой бунт. Может ли культурный мятеж представлять сегодня опасность?

- Заранее никогда не известно. Это зависит от многих случайных обстоятельств, и, возможно, действительно окажется, что наша цивилизация утратила энергию, ощущение себя самой, что она беззащитна.
  - И все же нуждается в варваре, чтобы ему противостоять?
- Конечно, нам необходим другой, чтобы быть собой, иначе начинает растворяться наше ощущение собственного «я». Да только сегодня непонятно, кто же этот «другой»...
  - Мы живем в удивительное время, когда все заняты и это-то нас больше всего возбуждает нарушением табу, изучением того, какое еще святотатство в состоянии вынести наша культура.
- Культура обретает подростковый образ мыслей: вот я вам покажу, плевать я хотел на все ваши святыни! Словно подрастающие дети, когда они стремятся стать независимыми, подвергают сомнению унаследованные от родителей запреты и заветы, сознательно их нарушают, лишь бы продемонстрировать свою независимость и мятежный дух. Из этого выросло целое направление в цивилизации. Доминирует ли оно? Я бы не сказал.

А в тоже время в этом созидании планетарной цивилизации и в самом деле есть нечто опасное. Что такое планетарная цивилизация? Телеканалы, опутывающие весь мир, одинаковые «Макдональдсы» в Токио, Тимбукту и Омске, папуасы с банкой «Кока-колы» — все это без сомнения симптомы экспансии западной цивилизации. Они опасны не сами по себе, но при этом стирается волшебное разнообразие мира. У меня есть такое правило: на тех международных встречах, где рабочим языком является не только английский, я говорю на каком-нибудь другом языке. Господство латыни тоже не было благом, и в конце концов благодаря эмансипации национальных языков мы увидели литературу Нового времени. Но латынь была знаком нашего европейского склада ума, а английский таким знаком не является.

Когда-то я познакомился с профессором истории из Индии, который рассказал мне, что у них только на первом курсе преподавание ведется на хинди, а со второго — по-английски. Он очень удивился, что в Польше преподают по-польски, в том числе и математику.

— Помимо языковой и бытовой унификации, видите ли вы какие-то другие силы, подталкивающие нас к варварству?

— Те же, что и всегда. От Запада неевропейские народы требуют прежде всего хорошего вооружения. В нашем столетии мы стали свидетелями стольких ужасов. Трудно себе представить, что все плохое уже позади и теперь все будет замечательно. У меня ощущение, что не будет все замечательно. Не хотелось бы пророчествовать, так как известно, что пророчество, не осененное Божьей волей, как правило, ошибочно. Так что я бы предпочел ошибиться, пророчествуя о бедствиях.

— Есть еще один вид варварства, который время от времени, подобно извержению вулкана, взрывает Европу, — великие революции. Закончилась ли их эпоха? Находимся ли мы в безопасности — свободные и сытые?

 Нет, не находимся. Революция — это не то, что готовится десятилетиями и однажды по чьемулибо призыву разражается. Революция — симптом болезни цивилизации. Она вспыхивает тогда, когда ситуация выходит из-под контроля, когда отказывают существующие механизмы власти и контроля. Большевистская революция была революцией анархической, которую большевикам удалось использовать, чтобы навязать свою власть обществу деморализованному и дезорганизованному, погруженному в хаос после бедствий войны. Всегда существуют силы, готовые навязать нам деспотический режим. Мы не придаем им значения, но в случае острого кризиса они могут стать по-настоящему опасными. Повторяю: такой вещи, как революционный потенциал, зреющий и в какой-то момент взрывающийся, не существует. Но опасность существует всегда, а гарантий нет никогда. Так ведь устроена наша жизнь — и индивидуальная, и коллективная.

— Считаете ли вы, что есть такие моменты в жизни отдельного человека, когда он может назвать себя варваром?

— ...то есть человеком, освободившимся от всех императивов и норм цивилизации? Не думаю, что мы когда-либо ведем себя чисто биологически, то есть «до-цивилизованно». Конечно, секс — это порождение природы, но и сексуальное поведение регулируется императивами и нормами цивилизации. Человеку нелегко быть дикарем; даже если он захочет им стать, то все равно не сможет быть настоящим дикарем, а будет лишь притворяться.

Октябрь 1997, клуб музыки техно «Blue Velvet», Варшава

из нашей почты

Кыргызстан, Ош 02.08.2000

С недавних пор я стал читателем вашего журнала, и это во многом благодаря моим новым польским друзьям — Михалине Полубинской и Виктору Кулерскому.

Для меня было полным откровением, что существует такой замечательный журнал... Еще удивительней было то, что он выходит на русском языке.

Я очень рад, что получил последние 6 номеров вашего журнала. Некоторые материалы из последних номеров мы опубликовали на страницах своей газеты. В особенности мне понравилась статья Иосифа Бродского «Польша», потому что она помогла отказаться от некоторых стереотипов о Польше, которые годами навязывались нам свыше. Большей неожиданностью стала также статья Лешека Бальцеровича «О польском хозяйстве». Хотя можно сказать, что ни один из материалов вашего журнала не оставил меня равнодушным.

Немного о себе. Я работаю главным редактором единственной независимой газеты на юге Кыргызстана, которая называется «ОшПресс-Вести». Помимо этого у нас есть еще информационное агентство, но, честно говоря, оно еще не начало работать в полном объеме. Мы выходим раз в неделю на русском языке.

Еще раз благодарю Вас за вашу работу и за те журналы, что я получил...

С уважением

Алмаз Исманов, главный редактор газеты «ОшПресс-Вести»

До чего же мне надоели эти проклятые моральные победы

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Б.Носов, Б.Скарадзинский: В поисках анти-Катыни

3.Ромашевский, А.Ловут: Встречи с Андреем Сахаровым А.Липатов о книге С.Братковского А.Шенкер о памятниках и поэтах В.Бересь Газетный киоск Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом? Наши люди: Сестра Хмелевская А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали? М.Бялошевский: Дневник Е.Стемповский об интеллигенции Последнее интервью Яна Карского В.Кулерский Судьба Костюшковца Н.Подольская: Размышляя о Корчаке

Я. Видацкий: О Юлиуше Мерошевском П. Мицнер: О субкультурах молодежи А.Наймродзкий: Клуб друзей Окуджавы М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге М.Пруссак: Москали - друзья и недруги преский: Об И Бролском А Ахматовой О Ман

Р. Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме **К. Яновская и П. Мухарский:** Беседы к концу столетия с **П.Герцем, Б.Скаргой** и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Твардовского, Шимборской, Бялошевского и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIAŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи об издательском деле, анонсы, библиографии.

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений зарубежных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich, 00-973 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374